

Информационно–аналитический журнал

с о в р е м е н н ы й
Иран

№45

июнь 2015

Информационно-аналитический журнал
Иран

№ 45
июнь 2015 г.

Свидетельство о регистрации ПИ 1 ФС77-41649
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) 12 августа 2010 г.

Редакционная коллегия

Раджаб Сафаров (Главный редактор)
Александр Проханов
Сергей Бабурин
Дмитрий Рюриков
Виталий Третьяков
Максим Шевченко
Игорь Панкратенко (Шеф-редактор)

Адрес редакции

119049, Москва, Коровий вал, д. 7, стр. 1, оф. 6

В издании использованы фотоматериалы
ИТАР-ТАСС, РИА Новости, РИА Иран.ру

Содержание

Краткое содержание номера.....	2	Иран и «афганский вопрос» <i>Николай Егоров</i>	37
Общая арабская армия — мечта или реальность?.....	6	Иран разочарован итогами московской встречи ШОС.....	42
Москва как партнер. Взгляд из Тегерана.....	9	Переговоры по ядерной программе Ирана: интриги в финале <i>Игорь Панкратенко</i>	46
Когда развалится саудовское королевство? <i>Владимир Алексеев</i>	13	Иран — США: Тегеран не спешит заглатывать наживку американской «хромой утки».....	50
В преддверии саммита ШОС: иранский вопрос и другие хлопоты.....	18	«Прорыв» в российско- саудовских отношениях: между мифом и обманом <i>Игорь Панкратенко</i>	54
В дверь стучится Шиитский Арабистан <i>Владимир Алексеев</i>	23	Плюсы и минусы участия Хасана Роухани на саммите ШОС в Уфе.....	59
Иран и Центральная Азия.....	29	ИГ угрожает Ирану <i>Владимир Алексеев</i>	63
Лоббисты Тегерана спешат на помощь <i>Александр Братерский</i>	34		

Краткое содержание номера

В политическом плане июнь стал одним из самых жарких месяцев для иранской внешней политики и ключевого ее вопроса — переговоров по ядерной программе, завершающий раунд которых открылся в конце месяца в Вене.

Напомним, что к 31 июня должно было быть подписано итоговое Соглашение между Ираном и «шестеркой» государств-международных посредников. Но оптимизма в официальных заявлениях резко поубавилось, а мировые масс-медиа, столь падкие на обсуждение всех мелочей переговорного процесса, внезапно впали в информационную застенчивость, отделяясь сухими сообщениями об очередных консультациях. Совершенно очевидно, что процесс подготовки итогового Соглашения резко замедлился. Остается только понять, по чьей вине это произошло. Материал **«Переговоры по ядерной программе Ирана: интриги в финале»** пытается ответить на этот вопрос. *«К заявлениям о том, что 30-го июня что-то будет подписано, в мире относятся все более скептически. Тем более, что и сами дипломаты стали поговаривать, что, дескать, эта дата совсем не обязательная... И действительно. „Если подписания Соглашения в указанные сроки не состоится — конца света не наступит“, — метко заметил Верховный лидер Ирана Али Хаменеи, — „Для Ирана ничего серьезно не изменится“. Как, впрочем, и для остального мира. Тем, кто намерен развивать отношения с Тегераном, санкции особо помехой не станут. Те же, кто этого всячески избегает, и при полной отмене ограничений оправдание себе найдут»,* — отмечается в статье.

Переговорами в Вене список значимых для иранской внешней политики событий июня не исчерпывался. Прошедшее 3–4 июня в Москве заседание совета министров иностранных дел ШОС и состоявшуюся в эти же дни конференцию «Безопасность и стабильность в регионе» наблюдатели совершенно справедливо расценили как «преддверие» июльского саммита Организации в Уфе. *«Весьма сухое и сдержанное поздравление, которое Хасан Роухани отправил Владимиру Путину по случаю дня России — косвенный признак того, что итоги этого „преддверия“ и подготовленные „на подпись“ руководителям государств-участников ШОС документы вызвали в Тегеране откровенное разочарование»,* — говорится в редакционном комментарии **«Иран разочарован итогами московской встречи ШОС»**.

Учитывая важность предстоящего саммита ШОС в Уфе, который будет проходить сразу после конференции глав государств, входящих в БРИКС, редакция «Современного Ирана» посвятила этой теме сразу несколько публикаций.

Прошедшие 3–4 июня заседание совета министров иностранных дел ШОС и конференция «Безопасность и стабильность в регионе» в Москве стали заключительным этапом масштабной подготовки к июльскому саммиту этой организации в Уфе. В ходе этих мероприятий «на трехсторонней встрече глав дипломатических ведомств Ирана, России и Китая, была достигнута договоренность о некоей „компромиссной формуле“, которая сохраняет заинтересованность Тегерана в развитии сотрудничества с ШОС. Ирану гарантировано вступление в Организацию после заключения соглашений по его

ядерной программе. Более того, и российский и китайский министры заверили своего коллегу Джавада Зарифа, что после того, как подписи на документах по иранскому ядерному досье будут поставлены, и Москва, и Пекин перестанут считать международные санкции основанием для каких-либо ограничений в развитии экономического и военно-технического сотрудничества с Ираном». Подробности — в статье **«В преддверии саммита ШОС: иранский вопрос и другие хлопоты»**.

Предстоящий июльский саммит Шанхайской организации сотрудничества в Уфе должен стать началом нового этапа сотрудничества Ирана со странами так называемого «региона ШОС». Это долгожданное событие сегодня представляется как нельзя более своевременным. *«Как и всякий игрок на геополитической „шахматной доске“, Тегеран имеет в Средней Азии свои интересы, весьма прагматичные, специфические и порою не всегда полностью совпадающие с интересами тех же Москвы и Пекина. Но большей частью эти „несовпадения“ и шероховатости являются не результатом каких-то противоречий, а обычной несогласованностью. Активная работа Ирана в Шанхайской организации сотрудничества вполне способна этот диссонанс устранить. Поскольку на ближайшую перспективу главная цель у Тегерана, Москвы и Пекина общая — стабильная, безопасная и динамично развивающаяся Центральная Азия как важнейшая часть „региона ШОС“, — отмечается в материале «Иран и Центральная Азия».*

Разумеется, в преддверии саммита ШОС невозможно обойти внимание ту роль, которую играет Иран в деле восстановления стабильности в Афганистане, который вот уже 37 лет, с момента Апрельской революции 1978 года, продолжает оставаться «головной болью» всего международного сообщества. *«Иран, без всякого сомнения, вместе с США и СССР — в тройке мировых лидеров по объему колоссальных безвозвратных экономических затрат и политических усилий на решение „афганского вопроса“, израсходованных за последние три с лишним десятка лет. Разговоры о том, что все эти затраты и усилия — неспроста, имеют под собой некую корыстную подоплеку, не выдерживают проверки статистическими данными», — говорится в статье «Иран и „афганский вопрос“». — «В Тегеране уверены, что нестабильность в Афганистане, да и во всем регионе, связанная с появлением там „джихадистов“, в любой момент может обостриться. Поэтому серьезно рассчитывают на то, что к односторонним иранским усилиям в решении „афганского вопроса“ добавятся скоординированные на высшем уровне мирные инициативы государств-членов ШОС, поскольку это отвечает интересам всех стран региона».*

Общая неудовлетворенность иранской стороны итогами генеральной репетиции саммита ШОС — прошедшего 3 июня в Москве заседания Совета министров иностранных дел государств-участников Организации — рискует принять вполне конкретную организационную форму. Участие президента Хасана Роухани в саммите, который должен пройти 8–9 июля в Уфе, до сих пор остается под вопросом. О возникшей интриге — в материале **«Плюсы и минусы участия Хасана Роухани на саммите ШОС в Уфе»**.

Не только ядерная программа и вопросы сотрудничества с ШОС являются предметом проходящих сегодня в Тегеране дискуссий между различными политическими элитами — консерваторами, реформаторами и теми, кто находится между двумя этими лагерями. Спорят, и спорят весьма жестко, буквально по каждому пункту стоящих перед страной проблем, будь то эко-

номика, социальная сфера, культура или внешняя политика. И столь стратегически значимый для Тегерана вопрос как отношения с Москвой также, разумеется, находится в эпицентре политических дебатов. Подробности — в редакционном комментарии **«Москва как партнер. Взгляд из Тегерана»**.

По-прежнему самое пристальное внимание редакция «Современного Ирана» уделяет ситуации на Ближнем Востоке. Неожиданно из Эр-Рияда прозвучало заявления йеменского президента в «изгнании» Абу Мансура Хади о его намерении идти на компромиссы со своими противниками. Бежавший в Саудовскую Аравию Абу Мансур Хади согласился на переговоры с повстанцами-хуситами, хотя еще 28 мая он от этого отказывался. *«Дело идет к созданию крупного арабского шиитского государства. Мир находится на пороге колоссальных изменений. Мировое сообщество вынуждено будет признать эту новую реальность. США и Запад не смогут помешать, противостоять этому процессу и, тем более, подойти к этому фактору с позиции силы. Они не смогут как раньше зайти с заднего двора и решать свои вопросы»,* — считает автор материала **«В дверь стучится Шиитский Арабистан»**. — *«Это арабское шиитское государство протянется вдоль всего западного берега Персидского залива, сделав его с Ираном внутренним „шиитским морем“, Аравийского моря и части Красного моря. Его союз с Ираном создаст новую геополитическую реальность в мире, которая по своей финансово-экономической мощи приблизится к уровню мировой державы»*.

Хотя недавно произошла смена руководства Саудовской Аравии, где на руководящих постах оказались представители молодого поколения, и, по идее, королевство должно было вступить на путь реформ и модернизации, тем не менее Эр-Рияд продолжает линию на прямое вмешательство во внутренние дела соседей. *«КСА создано искусственно из различных религиозных и этнических групп, а власть Аль Саудов держится на поддержании сложного баланса интересов ведущих племенных кланов. Если его расшатать, власти Аль Саудов наступит конец. Не нужно никаких государственных переворотов. Просто входящие в КСА племенные объединения выйдут из состава этой страны и объявят свои самостоятельные государственные образования»*. О возможном сценарии развития событий — в статье **«Когда развалится саудовское королевство?»**

Посещение министром обороны Саудовской Аравии принцем Мухаммедом бен Салманом — третьим человеком в иерархии королевства — экономического форума в Санкт-Петербурге и его встречу с Президентом Владимиром Путиным наблюдатели тут же назвали главной «информационной сенсацией». А после объявления о том, что министр энергетики России Александр Новак и министр нефти Саудовской Аравии Али аль-Наими подписали договор о сотрудничестве, особо эмоциональные эксперты и журналисты в Москве заговорили о «прорыве» в российско-саудовских отношениях. Так ли это на самом деле? На этот вопрос пытается ответить материал **«„Прорыв“ в российско-саудовских отношениях: между мифом и обманом»**.

Несмотря на то, что исламистская террористическая организация радикально салафитского толка «Исламское государство» действует в непосредственной близости от иранской границы на территории Ирака и Сирии, на сегодня она непосредственно не угрожает безопасности Ирана. *«Однако в реалии ее действия подрывают, хотя пока и косвенно, безопасность иранского государства, а в будущем могут затронуть ее напрямую»,* — считает

автор статьи **«ИГ угрожает Ирану»**. *«На сегодня действия ИГ подрывают позиции Тегерана в Ираке, где у власти находится шиитское правительство, в Сирии, где правят шииты-алавиты, в Йемене, где победили шииты-хуситы и в Ливане, где боевики ИГ уже провели первые атаки на позиции отрядов шиитской „Хизбаллы“. Лезть в Иран игиловцы боятся. Сейчас. Но если их планы по созданию суннитского халифата на территории Ирака, Сирии, Ливана, Палестины и тем более в Аравии реализуются, то Ирану будет угрожать уже очень мощный в военном и финансовом плане противник с огромной территорией и населением. Причем опирающийся на поддержку Турции и, как утверждают, имеющий тайную симпатию со стороны США. Поэтому в интересах ИРИ разгромить этого опасного врага на его территории уже сейчас, не дожидаясь, когда он начнет экспансию на Восток», — подчеркивается в материале.*

Как обычно, мы, редакция журнала «Современный Иран», надеемся, что очередной, 45-й его выпуск оказался динамичным, насыщенным и интересным читателю. Оставайтесь с нами!

Общая арабская армия — мечта или реальность?

Пока некоторые страны Ближнего Востока переживают острые внутренние проблемы и искусственно созданные кризисы, наподобие йеменского, ряд арабских государств, в частности Саудовская Аравия, активно претворяют в жизнь план по созданию общей арабской армии. В какой степени этот проект может воплотиться на практике?

В последние месяцы формирование общей арабской армии стало очередной навязчивой идеей некоторых региональных лидеров, которые теперь занимаются решением возникших перед ними трудностей.

Эта идея появилась довольно давно, еще в период правления президента Египта Гамала Абделя Насера (Gamal Abdel Nasser) в 1956—1970 годах. К своей практической стадии она подошла в ходе объединения этой страны с Сирией и весьма серьезно обсуждалась в ходе войны в Персидском заливе в начале девяностых годов, однако ввиду условий, существовавших в то время, и объективных реалий Ближнего Востока эта идея так и не была воплощена в жизнь.

Сейчас многие арабские страны, существующие всего лишь несколько десятков лет, находятся в крайне тяжелой ситуации. Тем не менее идея о создании общей армии вновь стала раз за разом звучать на их совместных консультациях. Осенью 2014 года некоторые средства массовой информации сообщили о встрече представителей Саудовской Аравии, Египта, Кувейта и Объединенных Арабских Эмиратов, целью которой была подготовка к созданию некой постоянной военной коалиции или своего рода общей армии.

На совещании, прошедшем в середине весны нынешнего года в египетском Шарм-эш-Шейхе, лидеры Лиги арабских государств подчеркнули, что действительно обсуждали вопрос о формировании общих военных сил. Они также постановили, что 24 мая командование Объединенного армейского штаба государств-членов ЛАГ представит проект резолюции о создании арабской армии. По словам официальных представителей Лиги арабских государств, эта армия должна пресечь распространение деятельности экстремистских группировок на Ближнем Востоке.

Вопреки этому официальному сообщению данная мера направлена не против основных очагов экстремизма и терроризма на Ближнем Востоке и такфиристских группировок, которые представляют основную угрозу безопасности в регионе и являются марионетками некоторых радикальных государств вместе с Америкой. Истинная подоплека этого решения заключается в стремле-

нии направить острие арабской армии против Исламской Республики Иран и некоторых политических групп, близких к Тегерану, в частности «Хезболлы» и ХАМАС.

Принимая во внимание данное обстоятельство, необходимо выделить несколько важных моментов.

Во-первых, объединенные вооруженные силы арабских государств представляют собой проект, авторы и сторонники которого имеют различные и подчас даже противоположные интересы. Саудовская Аравия, которая вместе с некоторыми арабскими странами Персидского залива уже несколько месяцев втянута в йеменский кризис и атаки на эту страну, добивается как можно большей легитимности и получения своего рода мандата на возможные акты агрессии в будущем, чтобы иметь возможность моментально подавлять народные движения в регионе и устранять угрозу собственным патриархальным интересам. Руководство Египта, в котором политические элиты до сих пор продолжают противостоять друг другу, активно поддерживает любую внешнюю авантюру, чтобы отвлечь собственных граждан от решения внутренних проблем. К тому же эта страна наряду с некоторыми другими слабыми арабскими государствами не прочь, разумеется, воспользоваться образовавшейся таким образом возможностью использовать финансовую помощь саудитов.

Многие арабские страны, армии которых не в состоянии и несколько дней выдержать натиск вооруженных сил региональных держав, даже используют наемников, не являющихся этническими арабами. Для них идея создания механизма коллективной безопасности и групповой обороны — того, что уже воплотилось в Североатлантическом Альянсе — означает возможность спрятаться за спиной саудитов, поэтому они и готовы дать свое согласие на создание единой армии.

Между тем американцы, которые при президенте Бараке Обаме открыто выступили за отказ от участия в ближневосточных конфликтах и «перевод центра тяжести» на решение проблем в Азии, поддержали идею создания арабской армии, чтобы таким образом сократить свои обязательства по обеспечению безопасности собственных союзников в регионе.

Во-вторых, вопреки ожиданию некоторых наблюдателей, боевая мощь создаваемой армии, основу которой формируют саудиты, не только не пугает сионистов, но и вызывает у них чувство удовлетворения. Пока главы арабских государств заседали в Египте и подчеркивали необходимость формирования совместной армии, израильская газета Haaretz написала, что это решение не вызывает у Тель-Авива никакой тревоги, а напротив облегчает его задачу, потому как оно мешает усилению иранского влияния в регионе, ведь арабские страны будут вынуждены принимать во внимание принципы безопасности Израиля. Таким образом получается, что хотя никто и не приглашал израильтян принять участие в создании арабской армии, они внесут в этот проект большую лепту.

Учитывая все эти реалии, формирование арабской армии можно считать одним из важнейших признаков того, что у Саудовской Аравии и Израиля есть общий интерес: противостоять росту региональной мощи Исламской Республики Иран. И это при том, что сионисты продолжают оккупировать важную часть арабских земель. А какие практические или хотя бы рассчитанные на публику меры были предприняты в связи с этим в последние годы? Никакие.

В-третьих, по мнению многих специалистов по вопросам Ближнего Востока и арабских стран, пусть наличие единой армии и создаст некоторые благоприятные условия в плане сотрудничества в области безопасности, оно также с самого начала поставит перед участниками данного проекта массу трудностей. Одна из них заключается в самой сути этой инициативы, потому как до сих пор остается неясным, будет ли участие вооруженных сил отдельных арабских стран добровольным — или же обязательным. И вообще — для отражения какой угрозы арабы реализуют такой проект, и на основании какой законодательной базы? Еще один важный вопрос касается того, кто будет руководить этими силами. В условиях, когда главы таких стран, как Саудовская Аравия и Египет, преследуют в этом проекте разные цели, они не согласятся так просто передать командование другой стороне. К тому же некоторые государства, к примеру Ирак или Катар, у которых своя собственная точка зрения на некоторые процессы, вряд ли смогут договориться с саудитами.

В-четвертых, даже если мы закроем глаза на все упомянутые трудности, которые не раз практически проявляли себя, когда Лиге арабских государств нужно было принимать какие-то решения, дееспособная армия, объединяющая вооруженные силы всех арабских стран, является всего лишь сладкой мечтой. Вот уже несколько месяцев коалиция десяти арабских государств под единоличным предводительством саудитов предпринимает авиационные атаки на территорию Йемена и тем самым как бы воплощает собой объединенную армию. Однако до сих пор этой коалиции так и не удалось уничтожить оппозиционное йеменское движение «Ансарулла».

Не следует также забывать и о том, что пик военной интеграции и взаимопомощи арабских государств пришелся на период арабо-израильских войн в 1948, 1956, 1967 и 1973 годах, а также на время войны, навязанной Исламской Республике Иран в 1980–1988 годах. Тем не менее даже тогда мобилизация сразу нескольких государств не помогла арабам добиться поставленных целей.

Помимо этого, «Щит полуострова» (объединенный воинский контингент стран-участниц Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива), который уже несколько лет представляет собой армию этой организации и на создание которого потребовались колоссальные финансовые средства, проявил себя только при подавлении народного восстания в Бахрейне, а вся его обычная деятельность сводится лишь к проведению ежегодных военных учений. Объединенные армии Саудовской Аравии и пяти других арабских государств Персидского залива объединяет между собой куда больше факторов, нежели когда речь идет о других членах ЛАГ. Также эти армии располагают большим опытом, подготовкой и вооружением, если сравнивать их с гипотетически возможной объединенной арабской армией. И тут встает следующий вопрос: разве арабские страны Персидского залива когда-то продемонстрировали такую боевую мощь, чтобы и другим захотелось сделать нечто подобное?

Более того, отсутствие боевого духа, продолжение затянувшихся региональных кризисов, наподобие йеменского, внутренние проблемы, ставшие после событий «арабской весны» лишь еще глубже, и страх перед реальными угрозами, такими как усиление активности террористических группировок «Аль-Каида», ИГИЛ и «Джабхат Ан-Нусра», сводят на нет всю браваду организаторов так называемой единой арабской армии.

Москва как партнер. Взгляд из Тегерана

Не только ядерная программа является предметом проходящих сегодня в Тегеране дискуссий между различными политическими элитами — консерваторами, реформаторами и теми, кто находится между двумя этими лагерями. Спорят, и спорят весьма жестко, буквально по каждому пункту стоящих перед страной проблем, будь то экономика, социальная сфера, культура или внешняя политика. И столь стратегически значимый для Тегерана вопрос как отношения с Москвой также, разумеется, находится в эпицентре политических дебатов.

Выступая 25 мая в Тегеранском университете, секретарь Высшего совета национальной безопасности страны Али Шамхани, одна из ключевых фигур в политическом руководстве Исламской республики, отметил, что «отношения с Россией имеют большой потенциал для развития». Однако, — продолжил он, — «существуют определенные сомнения, связанные с тем, какой будет в перспективе политика Москвы в отношении Запада, в целом, и США, в частности».

Вопрос поставлен как нельзя более своевременно. Безусловно, в иранском обществе был и остается запрос на стратегическое партнерство с Россией, как бы ни пытались дискредитировать эту идею и некоторые местные чиновники, и, в немалой степени, высокопоставленные российские политики. Столь же очевидно, что в иранских элитах, особенно связанных с так называемыми реформаторами, более чем достаточно и тех, кто требует от власти не тратить время на выстраивание отношений с Москвой, ограничить сотрудничество парой даже выгодных для иранской экономики проектов. А основной упор сделать на восстановление сотрудничества с Западом.

Голоса противников углубления ирано-российского сотрудничества в Тегеране звучат все чаще и громче, причем постоянно подпитываясь новыми аргументами, которые чиновники двух стран сами же в изобилии и создают. Баланс интересов — священный принцип для иранских элит, и любое национально-ответственное правительство в Тегеране в подходе к важнейшим проблемам будет ориентироваться прежде всего на сохранение этого баланса. Откровенная ориентация Исламской республики на Запад в ближайшее время нам «не грозит», чтобы на эту тему ни придумывали скороспелые «эксперты по Ирану», которые в последнее время плодятся в масс-медиа со скоростью размножения кроликов. А значит — есть все шансы сделать этот баланс наиболее взаимовыгодным. Разумеется, если четко понимать и «границы возможного» в отношениях с Ираном, и те запросы, которые существуют в стране в отношении России.

Претензии иранских реформаторов к Москве: реальные и мнимые

Темы С-300 и «долгостроя» в Бушере, странных вывертов российской политики на Ближнем Востоке обсуждались на страницах Иран.ру настолько часто, что возвращаться к этому еще раз нет никакого смысла. Сформулируем главное — длительное время политика Москвы в отношении Ирана определялась состоянием отношений России с США и Евросоюзом. До определенной черты это вполне естественно и характерно для любого современного государства, но, опять же подчеркиваем, до определенной черты, и Москва эту черту неоднократно переступала, особенно на Ближнем Востоке.

В результате, вполне объяснимое и, к глубокому сожалению, вполне заслуженное недоверие к России и постоянные подозрения Тегерана в отношении Москвы: не «сдаст» ли в ответственный момент, не будет ли «перекуплена» обещаниями, на которые Запад всегда был щедр, на захочет ли «поторговать» союзником в собственных интересах. Весьма красноречиво, кстати, по поводу этих подходов высказался экс-глава Совета национальной безопасности Израиля генерал запаса Гиора Айленд, который на вопрос о причинах разногласий Москвы и Вашингтона заметил: «Русские неоднократно демонстрировали свою готовность поддерживать американцев в их давлении на Иран. Но зачастую они требовали такого размера компенсации в других областях, которые американцы не были готовы платить».

Но подозрительность — это еще половина проблемы. Играя только на этом, серьезно «поднять» антироссийские настроения и долгое время дискутировать вопрос отношений с Москвой некоторым политикам и чиновникам ни в коем случае не удалось бы. Для того, чтобы претензии реформаторов в отношении России получили поддержку в обществе, нужны были более веские аргументы, основанные на психологии и реальных потребностях иранского среднего класса. Поэтому сначала рядом проправительственных экспертов был выдвинут тезис о новой «многовекторности иранской внешней политики». «МИД Ирана под руководством Мохаммада Джавада Зарифа реализует тонкую дипломатию и способно рассматривать те или иные проблемы под разным углом зрения. Фактически, иранская дипломатия стремится доказать миру свою открытость и желает развивать отношения со всеми международными игроками. Односторонний подход, при котором Иран отдавал предпочтение кому-то одному, остался в прошлом», — пишет один из обозревателей газеты, близкой к нынешнему кабинету министров Ирана.

Затем последовали откровенные спекуляции о том, что, оказывается, двухстороннее сотрудничество нужно не столько Тегерану, сколько Москве: «Иран в качестве третьей стороны не только имеет крепкие политические связи с Россией, но и находится в процессе улучшения собственных отношений с другими странами Запада, поэтому, будучи сильным игроком в дипломатической сфере, он может оказать содействие в решении противоречий, начиная с Сирии и Ирака и заканчивая Украиной. Дело в том, что на этот раз именно Иран... может играть весьма важную и даже определяющую роль в политических процессах в регионе и за его пределами». Иными сло-

вами, это пусть Россия предлагает нам «цену» за решение ее проблем, а мы подумаем, устроит ли нас эта цена. То есть, часть иранских политических элит, попросту говоря, намеренно искажила сложную картину взаимных интересов Тегерана и Москвы, а затем начала убеждать страну в правильности этого искажения. Заодно, оправдывая отсутствие у нее содержательных идей для укрепления партнерства между двумя нашими странами.

Здравый смысл, ответственность и немного цинизма

Официальные сообщения о развитии ирано-российского сотрудничества преисполнены оптимизма. Чиновники двух стран победно рапортуют что «отношения между Россией и Ираном сегодня находятся на как никогда высоком уровне. Подтверждением этого стали итоги прошедшего года, который ознаменовался значительной активизацией двусторонних контактов по всем направлениям. Состоялось большое количество визитов на различных уровнях по линии парламентов, советов безопасности, министерств иностранных дел наших стран. Ожидаем, что данная тенденция продолжится и в нынешнем году».

Если эффективность работы измерять в визитах и количестве совместных заявлений, то все действительно обстоит просто здорово. Вот только по большей части это «ветер в верхушках деревьев», который «лес не беспокоит» и среднего иранца никак пока не затронул. Следовательно, порождает у него определенное разочарование. Строительство новой очереди Бушерской АЭС, перспективы военно-технического сотрудничества — это все замечательно и действительно серьезный прорыв. Но не особо затрагивающий общество в целом. Победные релизы о том, что иранские продукты частично заменят западные, облегчен визовый режим для деловых контактов, налажена нормальная банковская система для обслуживания мелкого и среднего бизнеса двух стран и многое другое — так и остаются строчками на бумаге, не наполненными реальным содержанием. Пока всего этого не произойдет, голоса о бесперспективности Москвы в качестве партнера для Тегерана будут только крепнуть.

А не происходит это потому, что бюрократия явно не успевает за политиками. Что для иранцев, что для россиян, рынки наших стран — «неизведанные земли», осваивать которые без господдержки никто не будет. А вот господдержка эта откровенно не спешит. Причем, что в Тегеране, что в Москве чиновники рассуждают одинаково: вот снимут западные санкции — и все наши хлопоты окажутся излишними. И раз так, то чего же суетиться, скоро вернется прежнее беззаботное время. «С начала 2000-х администрации США, и Буша-младшего, и Обамы, прилагали максимум усилий для того, чтобы нанести вред отношениям России и Ирана», — говорит уже упоминавшийся выше экс-глава Совета национальной безопасности Израиля, умалчивая, правда, о роли во всех этих усилиях политиков собственной страны. Но мало нам проблем извне — бюрократия в Москве и Тегеране собственными руками закладывает под только формирующиеся отношения «мину замедленного действия» тем, что под общие вызовы и угрозы, под совпадение интересов не подводит экономического фундамента, строит партнерство, по сути, «на песке».

* * *

Сомнения, которые озвучил секретарь Высшего совета национальной безопасности Ирана Али Шамхани в отношении Москвы, — это ни в коем случае не решение о сворачивании контактов. Наоборот, это призыв к поиску наиболее оптимальных форм взаимодействия, призыв к ответственности и прекращению спекуляций на тему российско-иранского партнерства. Если Москва всерьез намерена покончить со своей слепой прозападной политикой, брать на себя ответственность за безопасность граничащих с Россией регионов, а не передоверять ее другим, необходимо провести «ревизию» подходов к Ирану, с большим скепсисом и с долей здорового цинизма воспринимать победные рапорта чиновников и наполнить замечательные по духу декларации конкретным содержанием. Тогда и взгляд на Москву из Тегерана станет несколько иным, в первую очередь — более уважительным и избавленным от разного рода подозрений.

Владимир Алексеев

Когда развалится саудовское королевство?

Хотя недавно произошла смена руководства Саудовской Аравии, где на руководящих постах оказались представители молодого поколения, и, по идее, королевство должно было вступить на путь реформ и модернизации, тем не менее Эр-Рияд продолжает линию на прямое вмешательство во внутренние дела соседей, в том числе с использованием военных и террористических методов, заворачивает гайки внутри страны, особенно в отношении шиитского меньшинства, сохраняет низкие цены на нефть, тем самым подрывая социально-экономическую стабильность государства, и позволяет себе свысока говорить с главным гарантом своей безопасности — Вашингтоном. Но все это говорит не о силе, а о слабости нового поколения правителей КСА, которые играют с огнем, ослабляют страну и толкают ее к распаду, учитывая, что ни верхушка армии, ни лидеры племенных образований и шейхи ведущих семейных кланов королевства не поддерживают ужесточение и без того одиозно-агрессивного курса семьи Аль Сауд. Начала просачиваться информация о том, что, если такая линия продолжится, то Сауды просто потеряют власть, а саудовское государство распадется на 4–5 частей, из которых оно было силой слеplено 80 лет назад.

Немного истории

Чтобы понять слабость КСА, несмотря на огромные нефтяные богатства страны, нужно вспомнить историю его создания. Зарождение саудовского государства началось в 1744 году в центральной части Аравийского полуострова. Местный правитель Мухаммад ибн Сауд и основатель ваххабизма Мухаммад ибн Абдель-Ваххаб объединились против Османской империи с целью создания единого мощного государства. Этот союз, заключенный в XVIII веке, положил начало правлению династии Саудов. Через некоторое время это образование подверглось давлению со стороны Османской империи, обеспокоенной усилением арабов у своих южных границ. В 1817 султан Великой Порты отправил на Аравийский полуостров войска под командованием египетского правителя Мухаммеда Али, которые разгромили местную слабую армию. Первое саудовское государство просуществовало 73 года. Правда, уже через 7 лет (в 1824) было основано второе саудовское государство со столицей в Эр-Рияде. Оно просуществовало 67 лет и было

уничтожено давними соперниками Саудов — кланом ар-Рашиди родом из Хаила. Семья Саудов была вынуждена бежать в Кувейт.

После распада второго саудовского государства на родине саудитов Неджде быстро выросло влияние эмирата Джебель-Шаммара, которым правил клан Аль Рашид. Будущий основатель третьей саудовской монархии Абдель-Азиз ибн Сауд из семьи Саудов находился в изгнании в Кувейте с 1893 года. В 1902-м году он начал свои многочисленные войны с захвата Эр-Рияда, расправившись с губернатором Рашиди и его семьей. В 1912 году Абдель Азиз захватил весь Неджд. В 1920 году, используя сильную поддержку англичан, стремящихся утвердиться на территории осколков Османской империи, Абдель Азиз окончательно разбил Рашиди. В 1925 году была захвачена Мекка и весь Хиджаз. В результате этого захвата было создано объединенное Королевство Неджд и Хиджаз. После захвата саудитами Асира, Эль-Хасы и Катифа 23 сентября 1932 королевство Неджд и Хиджаз было переименовано в Саудовскую Аравию, королем которого стал Абдель Азиз. Между вождями племенных объединений всех частей нового королевства были заключены соглашения с обязательствами сторон. Такими кланами, как Аль Шейх (основатели ваххабизма), Саудиты, Аль Али, Аль Джилуви, Аль Рашид, Аль Сулайм, Ас-Судайри, Ас-Сунайян и т.д. После обнаружения в 1938 году нефти в КСА и начала ее добычи Аль Сауды гарантировали мощные финансовые вливания наиболее влиятельным племенным кланам. Однако снижение Эр-Риядом в 2014 году мировых цен на нефть вдвое привело к тому, что их доходы резко упали. Королевская семья стала не в состоянии выполнять свои финансовые обязательства перед племенами. А значит и те теперь могут отказаться от своих обязательств.

Политика США

Начало реализации Вашингтоном новой линии на Ближнем Востоке с осени 2013 года, когда американцы пошли на сближение с Тегераном и отказались наносить ракетно-бомбовые удары по Сирии, а затем в июне 2014 года не стали посылать свои войска в Ирак для разгрома ИГИЛ, да еще и отказались воевать в Йемене после победы хуситов над саудовским ставленником Аль-Хади — все это вызвало сильнейшее разочарование у руководства КСА. После недавней встречи в Кэмп-Дэвиде на высшем уровне США — ССАГПЗ, на которой король Сальман отсутствовал в знак недовольства Обамой, саудовцам стало ясно — США больше не будут посылать своих солдат в регион даже для спасения своих союзников. И у них закрались еще большие подозрения относительно того, что теперь США вместо КСА хотят сделать своим «жандармом» в регионе Иран — основного политического оппонента и экономического конкурента Аль Саудов в Персидском заливе и на Ближнем Востоке.

Вашингтон хочет сменить руководство ИРИ на прозападно-либеральное, склонное принять западные ценности и западный вариант «демократии». Но для этого нужно заманить Тегеран соглашением по ИЯП, которое призвано не решить вопрос с ядерной программой Ирана, а создать условия для полного открытия этой страны перед Западом, его инвестициями, особенно в нефтегазовый сектор, и культурно-идейным проникновением. В США это хорошо понимают и все время выдвигают новые требования к Тегерану,

стараясь как можно сильнее подорвать стабильность нынешнего правящего режима. Более того, Вашингтон даже делает вид, что готов сотрудничать с ИРИ по Ираку, Сирии и даже Йемену. И саудовцы на это повелись. Началась коллизия интересов нынешних властей КСА с США.

Кстати, еще до йеменского кризиса, некоторое сближение между Тегераном и Вашингтоном на почве общих операций против «Исламского государства» многими экспертами квалифицировались как откровенно надуманное. Конечно, ИГИЛ враг и для Ирана. Да еще госсекретарь Дж. Керри это подтвердил в интервью телеканалу NBC News, заявив, что «не видит проблемы в сотрудничестве с Тегераном, если это поможет стабилизировать ситуацию в Ираке». В данном случае налицо американская попытка наложить на Саудовскую Аравию «иракскую кальку», которая могла бы обмануть Эр-Рияд относительно определенного военного присутствия Ирана в Йемене, Ираке, и Сирии, поскольку речь идет о борьбе с «общим врагом» — Исламским государством, оставляя решение других проблем на потом. Отсюда еще весной с. г. пошли рассуждения аналитиков о возможном расколе Саудовской Аравии, с указанием на то, что искусственно созданное 85 лет тому назад британцами на базе осколков Османской империи королевство находится на пороге великих потрясений, которые усиливаются этно-религиозной пестротой страны: в Недже преобладают ваххабиты, в Хиджазе и на северо-западе — сунниты, в Восточной провинции — шииты, на юге — исмаилиты, на юго-западе — йеменские племена, многие из которых приверженцы шиизма. Об этом намекали даже такие издания как американский Stratfor и британский Chatham House.

Что на самом деле?

На самом деле 29 апреля король Сальман издал указы, в которых говорилось об отставке принца Мукрина бен Абдель Азиза с поста наследного принца («второго лица» в государстве) якобы по «его личной просьбе» и назначении на этот пост принца Мухаммеда бен Наифа (сохранившего за собой пост министра внутренних дел и ставшего одновременно заместителем председателя Совета министров, возглавляемого по традиции самим монархом), а также председателем Совета по делам политики и безопасности, который при предыдущем короле Абдалле назывался Советом национальной безопасности. Пост заместителя (по-арабски в данном случае используется термин «наследник») наследника престола, ранее занимавшийся принцем Мухаммедом бен Наифом, занял сын Сальмана принц Мухаммед бен Сальман, сохранивший пост министра обороны и ставший вторым заместителем председателя Совета министров, а также руководителем Совета по экономике и развитию.

Главное состоит в том, что оба наследника — это внуки, а не сыновья короля Абдель Азиза, основавшего саудовское королевство. А Мукрин был его сыном. Тем самым прервана традиция передачи власти в династии Аль Сауд от брата к брату, хотя еще живы несколько сыновей Абдель Азиза. Это означает, что теперь власть будет унаследована после ухода Сальмана представителем не второго, а третьего «эшелона» Аль Саудов, то есть существенно более молодым поколением королевской семьи. Наследнику престола — 55 лет, а его заместителю — всего 30.

Второй важный момент: оба принца являются «силовиками», возглавляя соответственно МВД и Минобороны. Тем самым недовольным членам династии Аль Сауд и вождям других племен и кланов послан жесткий сигнал — любые их протестные действия или попытки организовать оппозицию, будут подавлены силовым путем. Тем более, что некоторые сразу же выразили недовольство тем, что заместитель наследника, мало того, что он сын короля, так еще в свои 30 лет является министром обороны. Да еще главой королевского двора стал Хамад ас-Сувайлем, которого терпеть не могут ни Аль Сауды других ветвей династии, ни другие кланы «эмирского» (княжеского) уровня.

Назначения двух принцев — наследников также подтвердило тенденцию к укреплению и узурпации власти в высшем правящем эшелоне двух судейридских ветвей семьи Аль Сауд, связанных с наследным принцем Наифом (скончался в 2012 году) и правящим монархом Сальманом. Ас-Судайри — влиятельный аравийский род, находящийся в родстве с королевской династией Аль Сауд, занимающий значительное положение в политической системе Саудовской Аравии с момента создания королевства. Принцы из династии Аль Сауд, начиная с XIX века часто берут в жены представительниц рода ас-Судайри. Тем самым нарушился баланс власти: ветви «абдуллахидов», состоящие из членов семейного клана покойного короля Абдаллы, который не входил в «семерку Судейри», существенно потеряли в своем влиянии на политику королевства. («Семеркой Судайри» называли политическую группировку — Адиль аль-Джубейр«клан» — внутри династии Аль Сауд, состоящую из семи сыновей короля Саудовской Аравии Абд аль-Азиза от его жены Хиссы бинт Ахмад Ас-Судайри).

Помимо ухода принца Мукрина, знаковой стала и отставка находившегося на посту министра иностранных дел с 1975 г. принца Сауда аль-Фейсала. Новым главой саудовского внешнеполитического ведомства стал посол в Соединенных Штатах — «восходящая звезда саудовской дипломатии» — Адиль аль-Джубейр. Он является ярким сторонником силовой линии против Сирии, Йемена и Ирака. А это означает одно — продолжение втягивания Эр-Рияда в войны с этими тремя странами, которые не только истощают казну, но и подрывают стабильность правящего режима и благополучие эмирских кланов. И, естественно, на таком фоне укрепление Ирана и его значения для Запада в регионе воспринимается как стабилизирующей силы.

Как развалится королевство?

КСА создано искусственно из различных религиозных и этнических групп, а власть Аль Саудов держится на поддержании сложного баланса интересов ведущих племенных кланов. Если его расшатать, власти Аль Саудов наступит конец. Не нужно никаких государственных переворотов. Просто входящие в КСА племенные объединения выйдут из состава этой страны и объявят свои самостоятельные государственные образования. Договорятся о новых границах и сферах влияния, и о том, как справедливо делить доходы от экспорта нефти. Да им и думать особенно не придется. Ведь подобный план расчленения, причем с картами, уже давно составлен британскими спецслужбами. И примеры такого современного раздела де-факто уже есть. Например, Ливия, войну в которой затеяли Саудовская Аравия и Катар.

Только вот с КСА может произойти не по английскому сценарию. Часть спорных территорий Аль-Асир и Наджран на юго-западе и юге королевства, где проживают йеменские племена, в том числе шииты зейдитского и исмаилитского толка, отойдут к Йемену. Северная часть Хиджаза на северо-востоке отойдет к Иордании, северные районы — к Ираку, а районы Восточной провинции (историческое название области Аль-Хаса), населенные преимущественно шиитами, вместе с Бахрейном, где 2/3 населения тоже шииты, и Кувейтом, где на шиитов приходится 40% населения эмирата, сформируют со столицей в Даммаме шиитское государство под условным названием «Шиитостан». Не исключено, что в случае развала Ирака на 3 анклава, что также провоцируется нынешними правителями Эр-Рияда, его шиитская часть, где проживает свыше 60% населения Ирака, создастся уже огромное арабское шиитское государство по обоим берегам Персидского залива со столицей в Басре, которая сто лет тому назад была административным центром басринского вилайета Османской империи.

* * *

Конечно, речь не идет о том, что это случится сегодня. Но это вполне может произойти через 2–3 года, если Аль Сауды продолжат свои военные авантюры, окончательно ослабив страну, в том числе изнутри, будут и далее грубить США и ссориться с Ираном, Ираком и Йеменом. Западу, а в данном конкретном случае США и Великобритании, не нужна непредсказуемая страна с давно морально и этически устаревшим режимом, и нормами правления 17-го века, которая только позорит «союзников» в глазах цивилизованного мира. Тем более, что от нее во многом зависит энергетическая стабильность Европы и Азии. Гораздо легче управлять более мелкими и послушными гособразованиями без претензий на региональное лидерство. И нынешние власти КСА упорно идут к этому. Как, впрочем, и США. В Вашингтоне, судя по всему, такое решение уже принято. Осталось дожидаться лишь действий со стороны основных племенных образований.

В преддверии саммита ШОС: иранский вопрос и другие хлопоты

Прошедшие 3–4 июня заседание совета министров иностранных дел ШОС и конференция «Безопасность и стабильность в регионе» стали заключительным этапом масштабной подготовки к июльскому саммиту этой организации в Уфе. Российской стороне, безусловно, хочется, чтобы финал годичного председательства ознаменовался серьезными прорывами, доказывающими, что ШОС — эффективный инструмент региональной стабильности и экономического развития. Поэтому темы, обсуждавшиеся в эти два июньских дня, были одна острее другой.

Событию такого уровня, как саммит Шанхайской организации сотрудничества, всегда сопутствует огромная подготовительная работа. 31 мая в Москве началось согласование итоговой резолюции, которую должны 10 июля принять главы государств-членов ШОС. Несколько раньше в работу был запущен целый пакет важнейших документов: проект стратегии организации до 2025 года, программа по борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом; соглашение о сотрудничестве по пограничным вопросам и заявление по проблеме наркоугрозы в регионе.

Документы, как видим, более чем принципиальные, но и на этом дипломаты не остановились — уже в ходе заседания совета министров иностранных дел государств-членов ШОС Москва озвучила инициативы, в числе которых принятие специального заявления по перспективам членства Ирана в организации, рассмотрение на площадке ШОС вопросов сопряжения Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и мегапроекта Пекина «Экономический пояс Шелкового пути», а также создание института с несколько громоздким названием «Международный центр предпроектной подготовки и финансирования проектов ШОС».

Впрочем, все это обилие документов уместается в четыре ключевых вопроса, ответ на которые Организации нужно решать в срочном порядке:

- во-первых, как совместить ЕАЭС с китайской стратегией «Шелковый путь» таким образом, чтобы и преференции получить, и абсолютно-го экономического доминирования Пекина в так называемом «регионе ШОС» не допустить?
- во-вторых, как привлечь Иран к более активному участию в работе Организации, обойдя при этом условие, заложенное в уставные документы еще при ее создании — о том, что входящее в ШОС государство не должно находиться под санкциями ООН?

- в-третьих, как добиться того, чтобы расширение Организации, в свете готовящегося вступления в нее Индии и Пакистана, не привело к тому, что из-за противоречий между странами-участниками ШОС утратила бы работоспособность?
- и, наконец, в-четвертых, что нужно сделать для обеспечения безопасности государств-членов ШОС? Что становится более чем актуальным в преддверии намечающегося противостояния, связанного с тем, что США формирует два гигантских торговых блока — Трансатлантическое Инвестиционное Партнерство (Trans-Atlantic Trade Investment Partnership — ТТИП) и Транстихоокеанское торговое партнерство (Trans-Pacific Trade Partnership — ТТП). Для которых, естественно, евразийские рынки представляют огромный интерес, а в борьбе за контроль над рынками, как прекрасно известно, правил приличия и каких-то ограничений в выборе средств не существует.

Проблема для руководителей государств-членов ШОС заключается еще и в том, что все вышеперечисленные вопросы мало того, что тесно увязаны между собой, но еще и являются срочными и неотложными. А от их эффективного решения зависит то, станет ли ШОС полноценным региональными игроком или скатится на роль декоративного образования.

Неприлично затянувшееся ожидание Ирана

Подготовительные мероприятия к саммиту ШОС озаменовались инициативой, которая, по мнению ее авторов, способна разрубить «гордиев узел» в отношении членства в Организации Тегерана. «Рассмотрели мы заявку Ирана, который с 2005 года активно, деятельно участвует в работе ШОС в качестве государства-наблюдателя», — сообщил Сергей Лавров на пресс-конференции по итогам заседания глав МИД ШОС. — «Все мы высказались за повышение статуса Ирана в нашей организации в контексте всеобъемлющего урегулирования иранской ядерной проблемы».

Переводя с дипломатического на русский, в ходе консультаций было принято решение о том, что вопрос о вступлении Ирана в ШОС на правах полноправного члена будет привязан теперь не к проблеме снятия с него санкций, а к достижению договоренностей между Тегераном и «шестеркой» международных наблюдателей. Что, по расчетам оптимистов, должно произойти к 30 июня. Правда, и это не означает, что в ходе саммита в Уфе 9–10 июля Иран станет членом ШОС. Будет принято лишь некое «специальное заявление» о перспективах такого членства. Из этой инициативы российской дипломатии следует два весьма интересных и далеко идущих вывода. Прежде всего, становится ясным, что за 25 дней до «контрольного срока» на переговорах так и не решен принципиальный вопрос — будет ли означать подписание соглашения по иранской ядерной программе автоматическую отмену санкций ООН или же они будут просто «заморожены». Кроме того, становится понятно, что противоречия в вопросе полноправного членства Ирана в ШОС между государствами-участниками Организации за десять лет так и не преодолены.

«Увязывать вопрос членства Ирана в ШОС со снятием санкций несправедливо» — считает иранский посол в Москве Мехди Санаи. Более того,

даже решение, согласно которому вступление Тегерана привязывается не к снятию санкций, а к «достижению договоренности о всеобъемлющем урегулировании иранской ядерной программы» — половинчатое, неконкретно и уязвимо для воздействия «третьей стороны», например, для затягивания рассмотрения вопроса о судьбе этих санкций в ООН, очевидно и для самих авторов этой инициативы. Но с другой стороны, Иран играет слишком важную роль в регионе, имеет колоссальный опыт борьбы с международным терроризмом, обладает эффективными методами борьбы с наркотрафиком и наркоторговлей, и без его активного участия всерьез решать ключевые вопросы безопасности и экономики попросту невозможно.

В итоге, в Москве на трехсторонней встрече глав дипломатических ведомств Ирана, России и Китая, была достигнута договоренность о некоей «компромиссной формуле», которая сохраняет заинтересованность Тегерана в развитии сотрудничества с ШОС. Ирану гарантировано вступление в Организацию после заключения соглашений по его ядерной программе. Более того, и российский и китайский министры заверили своего коллегу Джавада Зарифа, что после того, как подписи на документах по иранскому ядерному досье будут поставлены, и Москва, и Пекин перестанут считать международные санкции основанием для каких-либо ограничений в развитии экономического и военно-технического сотрудничества с Ираном. В частности, Сергей Лавров еще раз публично подтвердил, что договоренности о поставке Ирану системы С-300 сохраняют силу: «Мы просто констатировали, что подготовка к поставке идет, она скоро реализуется». Отметив при этом, что двусторонние отношения Москвы и Тегерана развиваются «успешно — в соответствии с договоренностями наших президентов».

Судя по всему, предложенная «компромиссная формула» Тегеран вполне устроила. И, руководствуясь принципом «куй железо пока горячо», иранская сторона тут же предложила расширить формат переговоров по безопасности между нашими странами, наполнив его конкретными предложениями по военно-техническому сотрудничеству и борьбе с терроризмом, наркотрафиком и экстремизмом.

Москва и Пекин приняли данное предложение вполне благожелательно. Так, китайский министр иностранных дел Ван И отметил, что «КНР намерена укрепить взаимодействие с Ираном в торгово-экономической, энергетической и других традиционных сферах, а также развернуть сотрудничество в новых областях в рамках «экономического пояса Шелкового пути» и «морского Шелкового пути 21-го века», в том числе в деле расширения транспортно-коммуникационных возможностей и увеличении инвестиций в производство».

Эта позиция позволила заместителю главы МИД Ирана Ибрагиму Рахимуру уже 4 июня сделать весьма многозначительное заявление: «Иран имеет право вести переговоры по вопросу безопасности, в том числе по вопросу противоракетной обороны... И это наше право — это естественно для того, чтобы защитить территорию нашей страны, мы имеем право вести переговоры с различными государствами». Отметив при этом, что «процесс, который имеет место быть — это двусторонний процесс как с Россией, так и с Китаем».

Региональная безопасность и проблемы расширения ШОС

События на Ближнем Востоке, не говоря уже о навязчивом «украинском вопросе», существенно снизили интерес СМИ и экспертов к так называемому «региону ШОС». Яркой и леденящей душу медиа-картинки, на которую слетелись бы журналисты и комментаторы, здесь действительно, к счастью, пока нет. Но тенденции становятся все тревожнее. Кровоточащей раной региона по-прежнему остается Афганистан, хронический «котел с неприятностями» для соседей этого государства. Прикрывшись «фиговым листком» в виде обращения парламента страны с просьбой «остаться для укрепления безопасности», США продолжают свое присутствие в стране, плотно контролируя инструменты дестабилизации обстановки от Белуджистана, что иранского, что пакистанского, до китайского Синьцзяна и постсоветской Средней Азии.

Безопасности от их присутствия как-то не прибавляется, но и альтернатива этому присутствию — полноценный диалог стран, вовлеченных в деятельность ШОС, — пока не сформирована. «Экстремизм угрожает всем государствам региона. И чтобы противостоять этому явлению, необходимо региональное и трансрегиональное сотрудничество», — напомнил коллегам в Москве глава иранского МИДа Джавад Зариф. — «Необходима консенсусная лидация индивидуальных и коллективных стратегий, чтобы противостоять этому явлению (распространению ИГ), искоренить зло. Во имя этого необходимо объединить свои усилия в борьбе с возвеличиванием безнаказанного стремления к господству в регионе».

Столкновение амбиций, мифические страхи и вполне конкретные подозрения в отношении других партнеров по диалогу — вот реальная проблема, мешающая формированию слаженного и эффективного механизма обеспечения безопасности в регионе. И вполне реально опасность, что «расширение ШОС», увеличение его только по количественному показателю — числу стран-участников, к росту дееспособности Организации не приведет.

Само по себе это «расширение», разговор о котором постоянно оживляется в связи с изменением статуса в Организации Индии и Пакистана, — задача далеко не первостепенная, как бы ни пытались убедить нас в обратном чиновники, организующие деятельность ШОС. Проблем здесь возникает столько, что впору задуматься о применении простого правила — «лучше меньше, да лучше». Тревожным звонком в этом отношении стала тональность заявлений, сделанных нынешним генсеком Организации Дмитрием Мезенцевым в отношении членства Нью-Дели и Исламабада.

В отличие от оптимистичных заявлений, звучавших раньше, генсек ШОС в этот раз был куда более сдержан, пояснив, что хотя на предстоящем саммите в Уфе и ожидается принятие политического решения о начале присоединения Индии и Пакистана, им еще предстоит выполнить масштабную работу прежде, чем они станут полноправными членами организации. Собственно, «политическое решение» означает лишь начало пути «к очень сложному, кропотливому и значительному по времени — не будем прогнозировать — процессу присоединения этих двух государств к 27 документам, которые должны быть ратифицированы и под которыми должны подписаться два государства, желающие обрести статус полноправного члена

в ШОС. Поэтому политическое решение о начале присоединения — это еще не значит, что эти государства становятся членами ШОС», — констатировал Мезенцев.

В кулуарах подобную сдержанность функционеров ШОС объясняют тем, что если Пакистан продолжает сохранять интерес к участию в работе с Организацией, то Индия его откровенно утратила. Чего, в общем-то, и нужно было ожидать, поскольку некая альтернативная ось «Пекин — Москва — Нью-Дели» всегда существовала только в фантазиях экспертов. Которые откровенно не понимают сути отношений и глубины противоречий между этими странами, в первую очередь между Индией и Китаем. И, кроме того, откровенно переоценивают заинтересованность Нью-Дели в контактах с Москвой.

* * *

На прошедших в Москве в эти июньские дни мероприятиях, являвшихся генеральной репетицией саммита ШОС 9–10 июля в Уфе, было сказано много правильных слов, озвучено большое количество актуальных и реалистичных предложений. Достаточно отчетливо и все настойчивее звучала мысль, что без активного участия Ирана многие прикладные вопросы безопасности так и останутся на бумаге. И в этой связи нужно отметить, что складывающаяся ситуация с «расширением» Организации должна стать уроком во вполне прикладном аспекте. Не только членство в ШОС нужно Ирану, но и Иран с его политическим влиянием и потенциалом нужен Организации. Чем быстрее будет решен вопрос его полноправного членства, тем легче будет распутывать узлы противоречий в «регионе ШОС». А значит, появится реальная перспектива сделать Организацию на порядок эффективнее.

Владимир Алексеев

В дверь стучится Шиитский Арабистан

Неожиданно из Эр-Рияда прозвучало заявления йеменского президента в «изгнании» Абу Мансура Хади о его намерении идти на компромиссы со своими противниками. Бежавший в Саудовскую Аравию Абу Мансур Хади согласился на переговоры с повстанцами-хуситами, хотя еще 28 мая он отказался от проведения в Женеве международной конференции по Йемену, не желая видеть хуситов за столом переговоров. Формально Хади и раньше был готов к переговорам, однако он выдвигал для хуситов и их союзников из Всеобщего народного Конгресса (ВНК) Али Абдалла Салеха невыполнимые условия, требуя отказаться от вооруженной борьбы и освободить занятые территории. Казалось бы, наконец-то возобладал разум. Но в реальности дела обстоят по-другому. Просто КСА срочно нужно перемирие с Йеменом, чтобы перебросить свои войска с юга в Восточную провинцию, где вспыхнули мятежные выступления местных шиитов. Более того, от имени шиитской «Коалиции Свободы и Справедливости» на днях провозглашена «Республика Эль-Хаса и Эль-Катиф», противопоставляемая «Королевству ваххабизма и саудитов». Уже разработана карта-схема Аравии с обещанием поднять «Знамя Ахль аль-Бейт» (т. е. семьи Пророка, которую шииты ограничивают Фатимой, Али, Хасаном, Хусейном и их потомками) над всей Аравией, но уже без Саудитов. То есть она включает не только территорию Восточной провинции КСА, но и ОАЭ, Катар и Оман, а также юго-восточные районы саудовского королевства.

КСА проигрывает войну

Йеменская вооруженная авантюра, как, впрочем, и вмешательство саудовцев в Сирии и Ираке, сильно ослабили королевство. Сосредоточив 30-тысячную группировку своих войск на границе с Йеменом, Эр-Рияд оголил все остальные направления. При этом ВС КСА не осмеливаются войти в Йемене, опасаясь там позорного разгрома. И убрать войска нельзя, так как хуситы, уставшие от бомбардировок их страны, перешли в контрнасту-

пление и вторглись в нескольких местах на саудовскую территорию в Джезьяне и Наджране. Разгромлены многие пограничные КПП КСА, погибли десятки военнослужащих, население из приграничных территорий, многие из которых имеют йеменские и шиитские корни, бегут вглубь королевства, в том числе в Эр-Рияд. На некоторых участках хуситы продвинулись вглубь на 30–40 км. И это происходит под лозунгами освобождения «оккупированной» саудовцами йеменской земли (в реальности — это спорные территории). Более того, пошли разговоры о том, что надо восстановить йеменский суверенитет над Аль-Асиром и Наджраном, где проживают либо йеменские племена численностью до 2–2,5 млн чел, либо шииты-исмаилиты численностью около 1 млн чел. А некоторые лидеры хуситов идут дальше, утверждая, что именно им исторически принадлежала во времена Зейдитского имамата Мекка и Медина. На этом фоне и вспыхнул мятеж шиитов в Восточной провинции.

У саудовских шиитов лопнуло терпение

Поскольку после недавней смены власти в Эр-Рияде и резкого снижения цен на нефть ситуация в самой Саудовской Аравии и без Йемена достаточно удручающая, а тут еще в Восточной провинции произошло два громких теракта якобы «Исламского государства» (ИГ) против шиитов. Причем взрывы будто бы производил именно «местный» филиал ИГ, который действует на саудовской территории, а не иракская его часть, от которой королевство отгородилось стеной на севере. 22 мая в шиитской мечети местечка Аль-Кудейх (Эль-Катиф) была осуществлена террористическая акция, и ее исполнителем стал смертник, саудовский гражданин. По официальным саудовским данным — 21 погибший, 97 раненых, среди жертв шестилетний ребенок. А 29 мая у шиитской мечети в городе Даммам произошел новый террористический акт в шиитской мечети (трое погибших, много раненых). В результате этих терактов в Восточной провинции Саудовской Аравии, населенной в основном шиитами, начинается восстание против династии Саудидов — на улицы городов уже вышли люди с транспарантами, провозглашающими республику Эль-Катифа и Эль-Хасы. Так, после теракта вблизи Эль-Катифа был перерезан участок дороги на Даммам, и там было водружено знамя с портретами имамов Хасана и Хусейна (сыновья последнего праведного халифа Али и мученики, с точки зрения шиитов, так как они были убиты последователями Сунны).

Но ответственность за теракты взял на себя «Вилайет Неджд» — местное ответвление «Исламского государства». При этом игиловцы еще и сделали призыв к «единобожникам» исполнить завет пророка Мухаммеда и очистить Землю Двух Святынь от нечисти «рафидитов-многобожников» (так салафиты-ваххабиты в Саудовской Аравии называют шиитов) и, что очень важно, очистить Землю Двух Святынь от нечисти «их покровителей — вероотступников и тиранов — Ааль Салюль и тех, «кто приукрашивает их деяния».

То есть, по сути, здесь уже прозвучал призыв к восстанию против династии Саудидов, которые называются в тексте Ааль Салюль — по имени матери того мединского соперника Пророка Мухаммада, который стал именем нарицательным «лицемера», принявшего ислам, но сговаривавшегося против

Пророка с иудейскими племенами Медины. «Те, кто приукрашивает их деяния» — это часть ваххабитского духовенства, поддерживающая династию Саудидов. А подобный призыв ИГ — это ни что иное как лозунг «арабской весны» в «аравийском исполнении» — с участием «Исламского государства».

Причем, как это ни парадоксально, и с участием шиитов, проживающих на территории Королевства, которые адекватно отреагировали на эти теракты. Они расценили их как действия, спровоцированные религиозной ваххабитской и салафитской пропагандой, которая ведется в Аравии в течение всей истории саудовского государства. И протестуют шииты не против «Исламского государства», которое последовательно реализует салафитско-ваххабитский политический проект, разрабатывавшийся в течение десятилетий под патронажем Саудидов для разных районов исламского мира, а против Саудидов. Тем самым они отделили свои территории от тех районов, где проживают сунниты. Более того, есть неподтвержденные официально данные о том, что между шиитами КСА и ИГ проходят тайные контакты на предмет раздела сфер влияния. Существует и другая версия — узнав об этом, саудовские спецслужбы устроили теракты против шиитов, чтобы настроить их против ИГ и сорвать переговоры о разделе королевства и его нефтяных доходов.

В этой ситуации Эр-Рияду надо что-то срочно предпринимать. Одно дело — разжигать войны против шиитов в Сирии, Ираке и Йемене. И совсем другое — противостоять начинающемуся шиитскому мятежу у себя дома, да еще на фоне активизации ИГ. Но для этого надо срочно перебросить армию с йеменской границы.

Кто же совершил теракты?

Саудовские криминалисты и следователи утверждают, что материалы к изготовлению самодельного взрывного устройства (СВУ) террористом-смертником завезены из-за рубежа. В первую очередь они имеют в виду в виду Иран (Восточная провинция находится на побережье Персидского залива) и Йемен. Хотя все это притянута за уши. Иран не занимается терроризмом. А Йемен слишком далеко. Может, все-таки сами саудовские спецслужбы стоят за этим? Вряд ли. Опасно. Может быть утечка информации изнутри.

Несмотря на то, что ответственность за теракт, как и в первом случае, взяла на себя группировка ИГ, практически все эксперты сомневаются в этом. Прежде всего указывается на различный почерк проведения атак. ИГ, что в Сирии, что в Ираке, использует в основном СВУ, которые состоят из большого количества поражающих элементов, а тактика совершения подобных подрывов более изощренная и широкомасштабная. Кроме того, фактически всегда совершается серия подрывов, что позволяет вначале ликвидировать барьеры безопасности, а затем ударить собственно по мечети или иной цели, и очень редко совершается единичный подрыв. В саудовском случае наблюдается использование современного СВУ, изготовленного в фабричных условиях, поражающая сила которого усиливается за счет «навеса» на террориста-смертника различных емкостей с поражающими элементами — их можно спокойно купить на местном рынке. Причем во втором теракте таких «навесов» фактически не было, что наталкивает на мысль о лимитировании запасов из опасения закупать их вновь в условиях повышенных

мер безопасности. Из всего этого вытекает логичный вывод о том, что террористы получают современные СВУ из-за границы при отсутствии лаборатории «на месте», что минимизирует риск провала. Кроме того, диверсии на объектах нефтяной инфраструктуры для ИГ является более приоритетной целью, чем попытка спровоцировать саудовских шиитов на волнение. А именно эта цель ставится при совершении атак на шиитские мечети. Поэтому очень похоже на использование саудовских «подпольщиков»-одиночек при руководстве иностранных спецслужб. Возникает естественный вопрос — а кто в этом заинтересован? Может быть США и Великобритания, которые уже выработали план расчленения КСА путем раскола королевства на новые образования и анклавы между племенами и этно-конфессиональными группами, уставшими от дикостей правлений Саудидов?

В любом случае, надо отбросить версию о причастности к данным терактам структур ИГ, даже несмотря на все их официальные заявления. Тем более, что сторонники ИГ вообще стараются упоминать свой бренд везде, где только можно, и брать ответственность на себя за все резонансное теракты. Это их общий подход к ведению пропагандистской войны. К этой же серии надо отнести и последние заявления ИГ о готовности купить «атомную бомбу» у Пакистана, поскольку де на «счетах» организации находятся миллиарды долларов. Такие взбросы преследуют цель доказать могущество организации и показать ее высокий финансовый потенциал. Одним словом, многие западные и арабские эксперты очень сомневаются в причастности ИГ к терактам в шиитских мечетях.

Глобальные и региональные последствия распада Саудовской Аравии

Мятеж в шиитской нефтеносной Восточной провинции КСА выгоден в политическом плане, прежде всего Ирану, йеменским хуситам, Ираку, Сирии и ливанской «Хизбалле», а также, как ни странно, США. Эр-Рияд изрядно надоед в последнее время всем регионалам, включая партнеров по ССАГПЗ, своими действиями по разжиганию суннитско-шиитской конфронтации, провоцированию внутренних конфликтов и прямым вмешательством, в том числе в финансовом и военном плане, во внутренние дела стран региона. Да и Вашингтон подустал от наглости Саудитов, которые, к тому же, захотели взять на себя роль регионального «жандарма» на Ближнем Востоке, да не справились. В результате, этот стратегически важный район, как в плане его особой энергетической значимости для всего мира, так и с точки зрения его нахождения на пересечении важных транспортных мировых артерий, оказался в ситуации хаоса и нестабильности. Повсюду войны, терроризм и нестабильность. На этом фоне многие на Западе подумали, так не легче ли будет, если роль «стабилизатора» перейдет к предсказуемой региональной державе, например, Ирану?

Тем более, что Эр-Рияд все-таки принял решение о срочной переброске в Восточную провинцию дополнительных частей Национальной гвардии и спецназа. Таким образом объективно ослабляется прикрытие йеменской границы, на которой активность хуситов уже привела к захвату ряда укрепленных КПП, и даже нескольких складов с вооружением. То есть стимулируется открытие «второго фронта» уже в тылу врага, который, в случае

его активизации приведет к серьезным проблемам не только с точки зрения собственно системы региональной безопасности, но и перебоев с нефтедобычей и экспорта нефти в Европу и Азию. Нестабильность в этом регионе является «кошмарным сном» для саудовской элиты, и организаторы терактов это прекрасно учитывали. В любом случае можно констатировать, что своей цели организаторы терактов добились.

И вполне вероятно, тем более что и новая карта Аравии и прилегающих к ней регионов уже опубликована, что через несколько месяцев, максимум через 2–3 года, здесь возникнут совершенно новые государственные образования. Например, Шиитское государство на базе Восточной провинции КСА, расширенный за счет прилегающих к нему саудовских территорий Большой Йемен с преобладающим шиитским населением, «Шиитстан» (провинция шиитов, территория, где проживают шииты) на половине территории современного Ирака, ну, и, естественно, супермощный Иран. При этом велика вероятность того, что все шиитские арабские государственные образования создадут единую страну или федерацию шиитских арабских республик, с огромным населением численностью не менее 50 млн чел. на территории нынешних Южного Ирака, Сирии, части Ливана, Кувейта, Восточной провинции КСА, Катара, ОАЭ, Бахрейна, Омана, Йемена, Наджрана и Аль-Асира, обладающую вместе с Ираном всеми нефтяными и газовыми ресурсами Персидского залива и части Ближнего Востока.

Это арабское шиитское государство протянется вдоль всего западного берега Персидского залива, сделав его с Ираном внутренним «шиитским морем», Аравийского моря и части Красного моря. Его союз с Ираном создаст новую геополитическую реальность в мире, которая по своей финансово-экономической мощи приблизится к уровню мировой державы. И в союзе арабского Шиитстана и шиитского Ирана не будет разногласий, учитывая, что революционные идеи Хомейни поддерживаются арабскими шиитами, а в духовном плане нахождение главных шиитских святынь — Неджефа и Кербеллы — в Ираке обеспечивают религиозную пассионарность арабских шиитов. Это может стать союзом двух равноправных народов на основе общности религии и неприятия духовных ценностей испорченной Западом салафито-ваххабитской части суннитского ислама.

Дело идет к созданию крупного арабского шиитского государства. Мир находится на пороге колоссальных изменений. Мировое сообщество вынуждено будет признать эту новую реальность. США и Запад не смогут помешать, противостоять этому процессу и, тем более, подойти к этому фактору с позиции силы. Они не смогут как раньше зайти с заднего двора и решать свои вопросы. Китай одним из первых признает новое геополитическое образование и будет строить с ним свои отношения на равноправной и партнерской основе. Россия сможет напрямую выстраивать взаимоотношения с этим государством, и у нее появится исторический шанс вновь вернуться в арабский мир (уже без противодействия США, Запада и подконтрольных им политических блоков и организации). Самым серьезным образом изменится конфигурация мира, исчезнет ССАГПЗ, совершенно другим и более активным станет ОИС. В духовном плане главным ориентиром нового образования останется Тегеран. В воздухе витает дух и образ нового геополитического альянса, мощнейшего центра силы в лице России — Шиитского Арабистана — Ирана.

* * *

Конечно, кто-то может подумать, что все это — фантазии или голые прогнозы, не подкрепленные фактами. Однако это не так. Ведь речь не идет о том, в какой точно день и час развалится КСА (никто же не смог предсказать точную дату распада советской империи), и какие конкретно государства в каких точно границах возникнут в регионе в результате нынешних катаклизмов. Здесь изложены тенденции с весьма вероятным исходом и перечислением возможных сценариев на базе конкретных фактов и того, что сегодня происходит в Аравии и вокруг нее. И не важно, где пройдут новые границы. Но ясно одно: начав разжигание «цветных революций» и сунито-шиитского конфликта, подогревая нездоровые страсти вокруг Ирана, вмешиваясь в открытую в дела арабских стран со сложной этно-конфессиональной структурой, правители КСА получили логический результат: конфессиональный конфликт с шиитами, терроризм в лице ИГ и угрозу «цветной революции» — все это пришло к ним бумерангом. Как гласит русская поговорка, «не рой другому яму, сам в нее попадешь».

Иран и Центральная Азия

Предстоящий июльский саммит Шанхайской организации сотрудничества в Уфе должен стать началом нового этапа сотрудничества Ирана со странами так называемого «региона ШОС». Это долгожданное событие сегодня представляется как нельзя более своевременным. Поскольку за последние годы, вопреки проблемам и инициированному извне сопротивлению части местных политических элит, Иран стал влиятельным игроком в Центральной Азии (постсоветской Средней Азии), упорно и методично работающим на экономическое развитие и укрепление безопасности региона.

Не будет преувеличением сказать, что с середины 90-х годов прошлого века и по настоящее время «среднеазиатское» направление внешней политики Ирана было и остается своеобразным «невидимым фронтом», накал страстей на котором хоть и скрыт от широкой аудитории, но несколько не теряет от этого в напряженности. Присутствие в регионе для Тегерана имеет принципиальное значение, поскольку позволяет ему решить три важнейшие задачи:

- добиться прорыва в создаваемой Западом международной изоляции;
- освоить местные рынки и развивать двухсторонние торгово-экономические отношения с целью ослабить действие санкций на свои финансы и промышленность;
- создать в сотрудничестве с руководством среднеазиатских государств надежный заслон терроризму, религиозному экстремизму и деятельности трансграничных преступных группировок, в первую очередь — связанных с наркоторговлей.

Соответственно, для США и их партнеров столь же принципиальной была и остается задача не допустить или же всячески ослабить это присутствие Ирана в Средней Азии. Причем, то, что из-за этого пострадает региональная безопасность в целом, Вашингтон совершенно не волнует. Наоборот, хроническая нестабильность именно здесь, в «регионе ШОС» для него даже желательна, поскольку ослабляет его противников — и тот же Иран, и Россию, и Китай. Не говоря уже о том, что «управляемый хаос» делает местные политические элиты «податливыми» и весьма отзывчивыми на любые «пожелания» Вашингтона.

Это скрытое противостояние Тегерана с Вашингтоном и его местными «клиентами» и «доброжелателями» во многом определило и характер, и границы возможного для решения амбициозной задачи иранской политики — расши-

рения присутствия страны в Средней Азии. Удалось далеко не все, в цифрах статистических показателей ситуация выглядит достаточно скромно, но, во-первых, процесс продолжается. А, во-вторых, эти «скромные показатели» не умаляют того обстоятельства, что Тегеран стал одним из влиятельных и серьезных игроков в регионе, подтверждением чему служит краткий обзор состояния отношений Ирана со странами Центральной Азии. Предваряя возможные вопросы о том, что сложно в одной статье изложить всю многогранность политики Тегерана в «регионе ШОС», Иран.ру в преддверии большого саммита в Уфе начинает серию статей, посвященных отношениям Ирана с каждой страной, входящей в эту организацию. В этой статье нет ирано-киргизского аспекта, поскольку об ирано-киргизских отношениях можно говорить, в основном, применительно к проблемам безопасности региона.

Иран и казахская «многовекторность»

Отношения Тегерана и Астаны всегда были примером того, как «средняя температура по больнице» зависит от показаний политического градусника в Вашингтоне. «Многовекторность», ставшая стержнем внешней политики Казахстана, длительное время являлась причиной того, что в своих отношениях с Тегераном Астана руководствовалась не столько возможными выгодами от развития двухстороннего сотрудничества, сколько тем, как это может отразиться на ее диалоге с Вашингтоном, Евросоюзом или той же Турцией.

Именно поэтому Астана была инициатором идеи об изменении регламента вступления в ШОС, результатом чего стал пункт о невозможности вступления в нее государства, находящегося под международными санкциями. Ни у кого не возникало сомнений, что это предложение было тем шлагбаумом, который закрыл Тегерану дорогу к полноценному членству в ШОС. Тем самым Казахстан продемонстрировал, что разделяет западную политику «сдерживания Ирана» в регионе и осторожно, но настойчиво выступает в этом вопросе проводником интересов США и ЕС.

В подобной осторожности имелся определенный резон. Но было бы откровенно несправедливым упрекать Нурсултана Назарбаева в некоей «прозападной» или «антииранской позиции». Президент Казахстана никогда не был ни «за Запад», ни «против Ирана». На всем протяжении своей политической карьеры он остается исключительно «проказахстанским», ставя во главу угла прагматические интересы своей страны. А эти интересы диктовали приоритетность отношений с тем же Евросоюзом и США.

Для сравнения. В 2006 году товарооборот Казахстана с Ираном составлял \$2,099 миллиардов, 3,4% всего объема внешнеэкономической деятельности страны. В это же время товарооборот с Евросоюзом составлял 13,98 миллиардов долларов — 36,3% от общего объема внешней торговли. В 2014 году товарооборот Казахстана с Ираном составил около миллиарда долларов, с Евросоюзом — \$53,3 миллиарда. Как видим, суровая экономическая реальность достаточно жестко корректирует звучавшие все эти годы официальные заявления политиков из Тегерана и Астаны о необходимости «развития всестороннего сотрудничества». И, кроме того, давала «убойные» аргументы тем в Казахстане, кто все это время заявлял о «малозначимости» и бесперспективности ирано-казахских отношений.

Что, кстати, совершенно не означает, что таковых перспектив нет. С ослаблением санкций или полной их отменой совместные экономические проекты двух стран вновь обретут «второе дыхание», прежде всего на «нефтяном» и «железнодорожном» направлениях. Пропускная способность Прикаспийской железной дороги (Казахстан-Туркменистан-Иран) оценивается в 10 миллионов тонн груза в год, и эти объемы и у Астаны, и у Тегерана есть чем заполнить.

Не исчерпала себя и действовавшая до недавнего времени схема, когда Казахстан ежегодно экспортировал до 1 миллиона тонн нефти через Иран по схеме SWAP: нефть доставляется танкерами по Каспию в иранские порты, а затем отправляется на иранские нефтеперерабатывающие заводы. Взамен Казахстан получает аналогичное количество высококачественной иранской нефти в Персидском заливе и экспортирует ее своим торговым партнерам. Без всякого сомнения, в рамках ШОС появятся и еще перспективные экономические проекты двухстороннего и многостороннего сотрудничества. Но, как и прежде, Астана настаивает, что обязательным условием их реализации должно стать заключение соглашения по ядерной программе Ирана.

Сложный диалог с Узбекистаном

Почти половина всех визитов иранских официальных лиц и делегаций в Среднюю Азию приходится на Узбекистан. Что, к сожалению, почти не отражается на развитии двухсторонних отношений, которые, в последние годы приобрели в той же экономике отрицательную динамику. Как о серьезном достижении ряд изданий сообщили о том, что товарооборот Узбекистана и Ирана в 2014 г превысил \$250 миллиона, а в отдаленной перспективе может достичь миллиарда долларов. Повода для оптимизма здесь нет ни малейшего — в 2008 году объем ирано-узбекского товарооборота превышал 600 миллионов долларов, в 2013 составлял 350 миллионов, то есть падение стало тенденцией.

Необходимо отметить, что с момента обретения независимости Ташкент всегда достаточно настороженно относился к расширению иранского присутствия в регионе. И главной причиной подозрительности было то, что это присутствие станет толчком к возрождению в стране таджикского национализма, чреватого увеличением сепаратистских настроений в Бухаре и Самарканде. Кроме того, правящие узбекские политические элиты подозревали Тегеран в намерениях усилить в стране позиции исламских общин, находящихся в оппозиции к светским властям. В немалой степени именно поэтому, когда в 1995 году американский конгресс ввел против Ирана экономические санкции, Узбекистан стал единственным из постсоветских государств, кто открыто поддержал эту меру.

В начале 2000-х, оценив «промежуточные итоги» иранской активности в регионе, Ислам Каримов изменил свою позицию, выразив заинтересованность в развитии сотрудничества с Тегераном. За короткое время были достигнуты договоренности о развитии отношений в области сельского хозяйства, транспорта, добычи и переработки нефти и газа, строительства, фармацевтики и банковского дела. Из Узбекистана в Иран «пошли» хлопок, черные и цветные металлы, минеральные удобрения, химволокно и другая

продукция, из Исламской республики — строительные материалы, моющие средства, продукты питания, чай и прочие товары.

Но развития отношений не произошло, хотя все условия для этого и существуют. Реализация положений трехстороннего «Соглашения 2003 года о международных автомобильных перевозках» между Тегераном, Ташкентом и Кабулом и создание «трансфганского коридора» Термез — Мазари-Шариф — Герат с последующим выходом к иранским портам Бендер-Аббас и Чахбахар, которое сегодня находится в достаточно подвешенном состоянии, вполне могут в перспективе стать добротным фундаментом для нового этапа двухсторонних отношений.

Таджикистан в орбите «иранского мира»

«Ирано-таджикские отношения имеют исторические и культурные корни. Тегеран стремится расширить отношения с Душанбе во всех областях, в том числе в экономической сфере», — неоднократно заявляли все высшие иранские руководители. Этим отношениям Тегеран придает особо значение, поскольку рассматривает Таджикистан как часть персоязычного мира.

9 сентября 1991 года Исламская Республика Иран первой среди других государств официально признала независимость Таджикистана и открыла свое постоянное представительство в Душанбе. Тегеран приложил немало усилий для нормализации и стабилизации ситуации в республике, сыграв одну из ключевых ролей при решении межтаджикского конфликта. К сегодняшнему дню Тегеран и Душанбе подписали около 130 двухсторонних соглашений, касающихся буквально всех сфер экономики, политики и социальной сферы. В Таджикистане работает более 150 иранских фирм, а торговый оборот между двумя странами по итогам 2014 года составил более 228 млн долларов, что составляет 4,3% от общего объема внешнеторгового оборота Душанбе.

На состоявшейся буквально на днях встрече Эмомали Рахмона с министром энергетики ИРИ Хамидом Читчианом было заявлено, что используя опыт строительства Сангтудинской ГЭС-2, главным инвестором которой был Тегеран, Исламская республика примет участие и в строительстве других гидроэнергетических объектов в Таджикистане. Тегеран выражает также заинтересованность в импорте 1 миллиарда кубометров таджикской питьевой воды, для чего предполагается создать совместно с Душанбе и Кабулом водно-энергетический коридор. В 2012 году между Ираном, Таджикистаном и Афганистаном был подписан меморандум о взаимопонимании, который предполагает строительство железной дороги, инфраструктуры для поставок энергетических ресурсов (нефти, газа, электроэнергии) и воды. «Строительство этих коммуникаций возродит Великий шелковый путь, укрепит экономическое сотрудничество и позволит развивать государства региона», — уверены в Тегеране.

Туркменистан — пока без проблем

На фоне описанного выше, отношения Ашхабада и Тегерана могут быть с полным правом названы самыми стабильными и динамичными. В немалой степени из-за того, что две страны объединяют общие границы, мно-

говековая историческая, конфессиональная и цивилизационная близость. Прочным фундаментом добрососедства является и наличие на севере Ирана значительного массива туркменского населения. Что, в свое время, позволило покойному первому президенту Туркменистана Ниязову с полным основанием заявить: «У нас братские отношения с иранским народом, лишённые взаимной подозрительности». За годы своего президентства (1989–1997) Хашеми-Рафсанджани встречался с Ниязовым 16 раз. Сменивший его на этом посту Хатами (1997–2005) свой первый зарубежный визит совершил в именно Ашхабад.

Естественно, что эти отношения построены и на взаимной выгоде. С 52 тысяч долларов в 1992 году товарооборот между двумя странами достиг 3,7 миллиардов в 2014. И, как заметил иранский президент Хасан Рухани, «мы высказали намерение в течение 10 лет довести этот показатель до 60 миллиардов долларов». С помощью Ирана в Туркменистане реализовано или находится на стадии реализации около сотни промышленных объектов, имеющих приоритетное значение для национальной экономики.

Благодаря партнерству с Тегераном Туркменистан обзавелся самыми современными технологиями, в частности, в сфере волоконно-оптических линий коммуникаций, стройматериалов, медицинских препаратов, комплексов химической водоочистки и ряде других. Для газовой отрасли Туркменистана принципиально важной стала помощь Ирана в строительстве газопровода Корпедже — Курдкуй длиной 200 км, пущенного в эксплуатацию в 1998 году. Первоначально он пропускал 6 млрд кубометров в год, а в 2006 году его пропускная способность возросла до 12 млрд кубометров. Иран на 80% обеспечил финансирование строительства газопровода и обязался покупать транспортируемый газ в течение 25 лет.

В 2003 году была начата эксплуатация совместно построенной ЛЭП между городами Балканабат в Туркменистане и Алиабат в Иране. Соглашение о поставках электроэнергии в Исламскую республику, заключенное на срок в 25 лет, приносит стране ежегодно свыше 150 миллионов долларов. И сегодня Тегеран является крупнейшим импортером электроэнергии из Туркменистана. Так или примерно так выглядит образец «иранского присутствия в Средней Азии», то, что Тегеран предлагает свои партнерам в регионе: доверие, уважение, взаимная выгода и совместная работа над экономическим развитием.

* * *

Как и всякий игрок на геополитической «шахматной доске», Тегеран имеет в Средней Азии свои интересы, весьма прагматичные, специфические и порою не всегда полностью совпадающие с интересами тех же Москвы и Пекина. Но большей частью эти «несовпадения» и шероховатости являются не результатом каких-то противоречий, а обычной несогласованностью. Активная работа Ирана в Шанхайской организации сотрудничества вполне способна этот диссонанс устранить. Поскольку на ближайшую перспективу главная цель у Тегерана, Москвы и Пекина общая — стабильная, безопасная и динамично развивающаяся Центральная Азия как важнейшая часть «региона ШОС».

Александр Братерский

Лоббисты Тегерана спешат на помощь

В конце июня должна окончательно решиться судьба иранских санкций. В случае если Иран согласится пойти на то, что его ядерная программа будет поставлена под контроль МАГАТЭ, США снимут с этой страны экономические санкции. Это откроет значительные возможности для прихода в страну американских компаний, которые многие годы ведут активную лоббистскую деятельность по снятию ограничений в самой Америке.

На прошлой неделе пришлось отмахиваться от обвинений в лоббизме в пользу Ирана компании Еххон. В статье, опубликованной Bloomberg, говорилось, что она наняла лоббистскую компанию, возглавляемую экс-сенатором от штата Оклахома Доном Никлесом, чтобы заниматься мониторингом действий администрации США. Услуги компании Никлеса — именно мониторинг, рассказал агентству официальный представитель Еххон Алан Джефферс. «Лоббизмом по изменению санкционного режима мы не занимаемся», — отметил он.

Однако многочисленные усилия по изменению иранской политики США не прекращались на протяжении более чем 20 лет. Различные политические группы американцев иранского происхождения, влиятельные политологи и представители крупного бизнеса ратовали за внесение корректив в отношения США с Ираном, где Америку продолжали называть большим сатаной.

Истоки «иранского лобби» в США берут начало в 1990-х, когда смерть иранского рахбара аятоллы Хомейни открыла путь к политическим изменениям в самом Иране. К власти в стране пришел умеренный прагматик Хашеми Расфанджани, заинтересованный в улучшении ирано-американских экономических связей. Именно тогда было подписано первое предварительное соглашение о приходе в Иран американской компании Сопосо для разработки нефтяных месторождений на сумму 1 млрд долл. Однако администрация Билла Клинтона заставила расторгнуть сделку, заявив, что она угрожает интересам национальной безопасности.

Впрочем, та же администрация впоследствии начала налаживать отношения с иранским президентом — реформатором Мохаммедом Хаттами, которого в американских СМИ стали величать иранским Горбачевым. Интересом

Белого дома к улучшению отношений с Ираном воспользовались крупные компании, создав лоббистскую группу USA Engage («Вовлечение»). Группа действует и сейчас: в ее составе такие гиганты, как Conoco, Mobile и Техасо. Среди участников USA Engage была нефтесервисная компания Halliburton, которую в свое время возглавлял будущий вице-президент США Ричард Чейни. Бизнесмен Чейни выступал за снятие санкций с Ирана и Ливии, отмечая, что терроризм они все равно не останавливают, а деловому климату мешают. Политический лоббизм в пользу Ирана усилился, когда Чейни уже был вторым человеком в стране. Помогло стечение обстоятельств: босс Чейни, президент Джордж Буш-младший, который хотя и заявил, что Иран вместе с Ираком и КНДР является страной «оси зла», уничтожил злейшего врага Исламской Республики — режим Саддама Хусейна.

Иран не спешил выражать США благодарность за расправу с иракским лидером, но воспользовался этим быстро, его политическое и экономическое влияние в регионе заметно возросло. Это привлекло к Ирану интересы ведущих американских экспертных групп, а также таких заметных фигур американской политической мысли, как Збигнев Бжезинский. В 2004 году вместе с будущим главой Пентагона Робертом Гейтсом Бжезинский при поддержке Совета по международным отношениям опубликовал доклад «Иран: время новых подходов», многие положения которого не только не устарели, но и были взяты на вооружение администрацией президента Барака Обамы.

«Прямые американские попытки свержения иранского режима вряд ли увенчаются успехом. Смена режима путем внешней интервенции также не разрешит наиболее проблемные моменты, связанные с иранской политикой», — писали авторы доклада. Это было в те времена, когда консерваторы в Белом доме всерьез раздумывали, не нанести ли по Ирану «маленький победоносный» удар. Интерес Бжезинского и Гейтса к Ирану не был случаен: оба политика хорошо помнили времена, когда администрация Белого дома прямо или косвенно взаимодействовала с хоменеистским Ираном. Речь идет, например, о скандале «Иран-контрас», когда Гейтс работал в ЦРУ, или о поставках Ираном оружия афганским моджахедам, сражавшимся с прокоммунистическим режимом в Кабуле.

Сегодня, когда Госдепартамент США ведет прямые переговоры с Ираном по ядерной программе, от оппонентов администрации Обамы раздаются обвинения в том, что представители проиранского лобби «запросто открывают ногой двери в Белый дом». Так, на должности директора по вопросам Ирана в Совете национальной безопасности трудится Сахар Новруззаде, которая ранее работала в НПО «Национальный ирано-американский совет» (NIAC).

Эта организация, как утверждают консервативные американские СМИ, занимается прямой лоббистской деятельностью в пользу Ирана. Ее руководитель — бывший ооновский дипломат Трита Парси, сын известного иранского диссидента, основал NIAC в 2002 году для продвижения ирано-американского диалога. 10 лет спустя организация стала достаточно влиятельной, а сам Парси обзавелся знакомством в высших кругах Ирана. Парси называет деятельность NIAC общественной. Когда один из блогеров обвинил NIAC в том, что она занимается лоббизмом в пользу Тегерана,

Парси подал на него в суд. Однако суд встал на сторону блогера, который к тому же смог выиграть почти 200 тыс. долл. за моральный ущерб.

Согласно исследованиям NIAS, за 20 лет санкции против Ирана стоили американским компаниям более 175 млрд долл. На сайте организации содержатся призывы голосовать за скорейшее снятие антииранских санкций, а также воззвание против инициативы сенатора-республиканца Марка Кирка и сенатора-демократа Роберта Менендеса, которые недавно внесли законопроект о продлении режима введенных против Ирана в 1996 году санкций до 2026-го.

Сторонники Ирана подчеркивают, что это контрпродуктивный шаг, особенно в разгар переговоров по ядерной программе Тегерана. «Проиранские лоббисты сегодня выдвинулись на передний фланг, потому что есть реальная возможность того, что Исламская Республика откроет свои двери для бизнеса в следующем году, когда санкции будут сняты. Однако им придется немало потрудиться, поскольку эти устремления противоречат интересам израильских и антииранских групп в конгрессе», — считает дубайский политолог Теодор Карасик.

В свою очередь, друзья Ирана в России тоже обеспокоены тем, что, когда прекратится санкционный режим, конкурировать в новых условиях будет тяжело. В конце прошлого года директор Центра изучения современного Ирана Раджаб Сафаров добился того, о чем любой американский лоббист Ирана в США может только мечтать: задал вопрос президенту Владимиру Путину на традиционной пресс-конференции. Из вопроса можно было понять, что российская политика в Иране выглядит неубедительной — товарооборот сокращается, Иран до сих пор не стал постоянным членом ШОС, а президент все еще не нанес визит в Тегеран.

Когда-то для Ирана и СССР, и США были в одной лодке: тогдашнее руководство страны одинаково не любило ни советских безбожников, ни американских империалистов. Теперь, сидя в разных лодках, Россия и США плывут к одной цели, и пока неясно, кто окажется быстрее.

Николай Егоров

Иран и «афганский вопрос»

Афганистан вот уже 37 лет, с момента Апрельской революции 1978 года, продолжает оставаться «головной болью» всего международного сообщества. За полтора десятилетия XXI века окончательно оформились два подхода к этому многострадальному государству и населяющим его людям. Для США и НАТО Кабул — это точка для реализации глобальных геополитических проектов. Для Ирана и стран-членов ШОС — это сосед, от благополучия которого зависит стабильность всего региона.

Иран, без всякого сомнения, вместе с США и СССР — в тройке мировых лидеров по объему колоссальных безвозвратных экономических затрат и политических усилий на решение «афганского вопроса», израсходованных за последние три с лишним десятка лет. Разговоры о том, что все эти затраты и усилия — неспроста, имеют под собой некую корыстную подоплеку, не выдерживают проверки статистическими данными.

Да, иранский бизнес вот уже несколько лет активно «вкладывается» в серьезные экономические проекты своего восточного соседа — строительство транспортной инфраструктуры, сельское хозяйство, производство электроэнергии и телекоммуникацию. Но при внимательном изучении вопроса очень скоро выясняется, что из-за политической нестабильности средний срок окупаемости затрат, вложенных в «афганские проекты», составляет для предпринимателей из Ирана от четырех до шести лет. У большинства из них попросту нет достаточного количества средств для столь длинных инвестиций, а потому от 60 до 70 процентов крупных проектов, которые иранский бизнес реализует в Афганистане, прямо или косвенно поддерживаются Тегераном за счет государственного бюджета.

Кроме того, безвозмездная финансовая помощь Кабулу — в рамках, взятых на себя Ираном международных обязательств — за прошедшие четыре года составила 500 миллионов долларов. Еще 400 миллионов запланировано к перечислению до конца 2016 года. Но и этим стоимость афганского вопроса для Тегерана не ограничивается, поскольку начиная с 2003 года Иран тратит на борьбу с потоком афганских опиатов около 50 миллионов долларов в год. Для прикрытия границы с Афганистаном Тегеран вынужден содержать в постоянной боевой готовности около 50 тысяч военнослужащих, пограничников и сотрудников подразделений Корпуса стражей Исламской революции, не говоря уже о затратах на сооружение инженерной системы заграждений и развертывание комплексов технического наблюдения на границах с Афганистаном, на что за последние десять лет было израсходова-

но около 7 миллиардов долларов. Фактически, цена «афганского вопроса», вложения в безопасность и стабильность соседнего государства для Тегерана по самым приблизительным расчетам составляет в последние 12 лет от 0,9 до 1,2 процентов ежегодных расходов государственного бюджета.

По разным оценкам, только прямые расходы Ирана в связи с афганским вопросом за последние три десятка лет составили более триллиона долларов. Иранская общественность многократно требовала обратиться в международные судебные органы с иском о возмещении ущерба в результате иностранных вторжений в Афганистан. Похоже, все идет к тому, что рано или поздно Иран предъявит счет странам-агрессорам.

«Иранский интерес» в Афганистане: цели и методы

Рассказы удостоенного Нобелевской премии в номинации «беспошадная борьба за нужный США мир в остальном мире» Барака Обамы об уходе из Афганистана так и остались разговорами. Слишком уж это удобно для Вашингтона это место, чтобы его покидать. Тем более, что и все юридические основания для этого созданы: в ноябре 2014 года парламент Афганистана абсолютным большинством голосов принял резолюцию, которая призывает США и НАТО оставить в стране на неопределенный срок — «до окончательной стабилизации» — около 12 тысяч военнослужащих, 9800 из которых — американские солдаты и офицеры.

Вашингтон, таким образом, сохраняет свое военное присутствие вблизи иранских границ, и это не может не вызывать серьезной озабоченности в Тегеране. Тем более, что с одобрения американцев, расширением своего присутствия в Афганистане серьезно занимаются саудиты, активно спонсирующие здесь воинствующих противников шиизма ваххабитов-деобандистов и создающие подконтрольные Эр-Рияду «центры исламской мысли». Два этих фактора, американское присутствие и саудовская экспансия, формируют политическую повестку иранских интересов в Афганистане. В которой дополнительными пунктами стоят нарастающие объемы производства опиатов, появление в стране ячеек ИГИЛ и формирование на афганской территории «штаба», координирующего движение белуджских сепаратистов.

На сегодняшний день основные иранские интересы в Афганистане выглядят следующим образом:

- стабильность центральной власти в Кабуле и обязательное соблюдение баланса в правящих элитах между пуштунами и остальными этническими группами;
- полный вывод американских войск из Афганистана;
- блокирование саудовского проникновения и нейтрализация возрастающего влияния Эр-Рияда на Кабул;
- экономическое и политическое развитие проживающих в Афганистане таджиков и хазарейцев;

Вашингтон, сохраняет свое военное присутствие вблизи иранских границ, и это не может не вызывать серьезной озабоченности в Тегеране

- обеспечение безопасности афганских шиитов и предотвращение эскалации суннито-шиитского противостояния в стране;
- противодействие росту экстремизма и поддержки внешними игроками сепаратизма белуджей;
- сокращение объема производства опиатов и наркотранзита;
- развитие совместно с Индией транспортной инфраструктуры страны для создания транзитного коридора к иранскому порту Чехабар.

Реализация этих интересов в Афганистане осуществляется, главным образом, тремя государственными институтами Ирана, координирующими политические и экономические усилия Тегерана:

- духовными учреждениями религиозной столицы Ирана — города Кум, которые формируют механизмы «мягкой силы» и идеологию «шиитского Пробуждения», причем, не только в Афганистане, но и по всему Ближнему и Среднему Востоку, включая Пакистан и Индию;
- министерством информации, на которое возложена задача поддержания контактов с политическими и управленческими элитами в Кабуле, включая депутатов Лоя Джирги, различных афганских министерств и ведомств, в том числе занятых экономическими вопросами;
- корпусом стражей Исламской революции (КСИР), отделения которого в Мешхеде и в Бирджанде осуществляют непосредственное руководство борьбой с подрывной деятельностью против Ирана, ведущейся с афганской территории.

Иранское общество и афганская диаспора

Об эффективности и успешности иранской политики поддержания стабильности в Афганистане, о том авторитете, которым Иран пользуется у шиитов этой страны, можно судить не только по показателям объемов финансовой помощи и количеству работающих на территории многострадальной страны предприятий в самых различных отраслях — от ирригации и сельского хозяйства до торговли, телекоммуникаций и дорожного строительства. Признательность и лояльность афганских шиитов выразилась и в том, что одна часть из них выразила готовность принять участие в вооруженной борьбе против интервенции «интернационального джихада» в Сирии, а другая, весьма многочисленная, обратилась к Тегерану с просьбой поддержать создание отрядов самообороны против возникающих в стране ячеек «Исламского государства».

Во многом это стало следствием взвешенной политики, которую Тегеран проводит вот уже четвертый десяток лет в отношении многочисленной афганской диаспоры, появившейся в стране в 80-ые годы. Разумеется, далеко не все здесь благополучно, и в самом иранском обществе идут жаркие дискуссии о текущем положении и, главное, перспективах этой диаспоры. Но, в целом, иранский опыт поддержки афганских беженцев, обошедшийся Тегерану в немалую сумму, заслуживает самого пристального внимания.

По данным Бюро по делам иностранных граждан Ирана, общее количество афганцев на территории страны к 2014 году составляло около трех миллио-

нов человек. Причем от 1,4 до 2 миллионов из них проживают, фактически, нелегально, существуя за счет сезонных заработков или выполнения неквалифицированных работ. Масштабным явлением стал недавний футбольный матч в рамках кубка Азии между сборными командами Ирана и Афганистана на тегеранском стадионе «Азади». Из 100 тысяч присутствующих болельщиков — 80 тысяч были афганцы. В то же время, согласно данным правительственных служб, легально пересекали границу с целью посещения матча лишь около полусотни афганских граждан.

В первые годы советской кампании в Афганистане количество беженцев в Иране составляло от 8 до 10 миллионов человек. С 1985 по 2010 годы афганцев, проживающих нелегально на территории Ирана, было от 5 до 7 миллионов человек. Ни одна другая страна не осилила и не выдержала бы подобное количество «нелегальных мигрантов». «Миролюбивый Запад», «отзывчивые арабские государства», фактически все мировое сообщество отстранились от этой гуманитарной катастрофы, переложив всю тяжесть ее решения на иранскую экономику, подорванную, напомним, многолетней войной.

Это обернулось колоссальной проблемой, начиная от угрозы собственной национальной безопасности до возникновения масштабных размеров гуманитарной катастрофы на территории страны. Особенно для страны, находящейся затем под экономическими санкциями, а следовательно не имеющей финансовых возможностей для создания таких условий, при которых диаспора подобного размера не смогла бы криминализироваться. Частично избежать этого не удалось и Ирану, поскольку по данным официальной статистики, 228 тысяч афганцев к настоящему времени были осуждены и находятся в тюрьмах за совершение различных преступлений.

Напряженности в отношении иранского общества к афганской диаспоре добавляет и то обстоятельство, что в условиях безработицы часть населения полагает, что афганцы, согласные работать за меньшую зарплату, «отбирают» вакансии у местных. Эти настроения приняли такой размах, что в мае нынешнего года депутаты иранского парламента обратились со специальным запросом в министерство внутренних дел республики с требованием разобраться в ситуации. В разгар санкций, иранское правительство вынуждено было сокращать государственные расходы, направляемые на поддержку беженцев из Афганистана. В частности, дети нелегальных мигрантов были лишены возможности бесплатно получать образование и пользоваться медицинской помощью. В мае нынешнего года Верховный лидер Ирана Али Хаменеи потребовал, чтобы этот порядок был отменен. Красноречивым свидетельством успехов иранского руководства в работе с многочисленной и проблемной афганской диаспорой служит хотя бы тот факт, что уровень образованности в семьях беженцев превышает аналогичные показатели в Афганистане, а детская смертность снизилась на порядок. Тегеран объявил о том, что большинство афганцев должно вернуться на родину. Однако, понимая, что Кабул не может ни обеспечить им рабочие места, ни создать доступ к образованию и медицинским услугам, ни гарантировать безопасность, иранское руководство не спешит ускорить процесс выдворения нелегальных мигрантов, беря на себя дополнительные гуманитарные и бюджетные обязательства по поддержке и Афганистана, и его населения.

* * *

Одной из последних громких инициатив Ирана в деле внутриафганского урегулирования стало посредничество в переговорах официального Кабула с движением Талибан. Закрытые встречи представителей Исламской республики с талибами, идущие с прошлого года, отнюдь не означают, что Тегеран принял решение рассматривать их как союзников. Скорее уж как партнеров по переговорному процессу, поскольку, во-первых, без активного диалога с талибами политическое урегулирование в афганском вопросе невозможно. А, во-вторых, Талибан в качестве хоть временного партнера куда предпочтительнее, чем появляющиеся в стране массовым порядком ячейки ИГИЛ. В Тегеране уверены, что нестабильность в Афганистане, да и во всем регионе, связанная с появлением там «джихадистов», в любой момент может обостриться. Поэтому серьезно рассчитывают на то, что к односторонним иранским усилиям в решении «афганского вопроса» добавятся скоординированные на высшем уровне мирные инициативы государств-членов ШОС, поскольку это отвечает интересам всех стран региона.

Иран разочарован итогами московской встречи ШОС

Прошедшее 3–4 июня в Москве заседание совета министров иностранных дел ШОС и состоявшуюся в эти же дни конференцию «Безопасность и стабильность в регионе» наблюдатели совершенно справедливо расценили как «преддверие» июльского саммита Организации в Уфе. Весьма сухое и сдержанное поздравление, которое Хасан Роухани отправил Владимиру Путину по случаю дня России — косвенный признак того, что итоги этого «преддверия» и подготовленные «на подпись» руководителям государств-участников ШОС документы вызвали в Тегеране откровенное разочарование.

Напомним читателям, что 3–4 июня в Москве на трехсторонней встрече глав дипломатических ведомств Ирана, России и Китая была достигнута договоренность о «компромиссной формуле», которая сохраняет заинтересованность Тегерана в развитии сотрудничества с ШОС. Согласно этой формуле, Ирану гарантировано, что процесс предоставления ему полноценного членства в Организации начнется не после снятия с него международных санкций, а сразу после заключения соглашений по его ядерной программе. Хотя тот же иранский посол в Москве, Мехди Санаи считает, что увязывать членство Ирана со снятием санкций не корректно. Кроме того, и российский и китайский министры заверили своего коллегу Джавада Зарифа, что после того, как подписи на документах по иранскому ядерному досье будут поставлены, и Москва, и Пекин перестанут считать санкции, введенные против Тегерана, основанием для каких-либо ограничений в развитии экономического и военно-технического сотрудничества с Ираном.

На пресс-конференции по итогам заседания глав МИД ШОС Сергей Лавров, отметив, что двусторонние отношения Москвы и Тегерана развиваются «успешно, все мы высказались за повышение статуса Ирана в нашей организации в контексте всеобъемлющего урегулирования иранской ядерной проблемы». С чем согласился и его китайский коллега Ван И, заявивший, что «КНР намерена укрепить взаимодействие с Ираном в торгово-экономической, энергетической и других традиционных сферах, а также развернуть сотрудничество в новых областях в рамках «экономического пояса Шелкового пути» и «морского Шелкового пути 21-го века».

Казалось бы, предложенная в качестве компромисса схема должна была вполне устроить Тегеран. Изначально, в ходе мероприятий в Москве, принципиальных возражений от иранской стороны на официальном уровне действительно не последовало. Однако, в самом Иране часть политических

элит восприняли итоги «преддверия ШОС» с разочарованием, и эти настроения все чаще присутствуют в неофициальных дискуссиях. Что стало их причиной и какие аргументы выдвигаются в споре о том, является ли «компромиссная формула» разумной, достаточной и устраивающей Тегеран? Многообразие мнений, существующих у иранских экспертов и политиков, можно свести к шести основным причинам.

Первая. В Иране считают, что норма Устава ШОС, запрещающая прием в члены Организации государства, которое по тем или иным причинам находится под международными санкциями, является устаревшей и не соответствует новым мировым реалиям.

По большому счету, внесенная в Устав Организации в 2009 году эта норма, принятая специально «под Иран», была уступкой Западу столь же избыточной, как и принятый в период президентства Дмитрия Медведева запрет на поставку Тегерану комплексов С-300. Последняя зацепка, на которой эта норма, собственно, и держалась, — обвинения в военном характере иранской ядерной программы — окончательно утратила правдоподобность. Свидетельством чему стал не только ход переговоров Ирана с «шестеркой», а убедительные доказательства, представленные иранским руководством всему миру и принятые всем международным сообществом, за исключением совсем уже закоренелых иранофобов в США, Израиле и Саудовской Аравии. Исходя из этого иранцы считают, что «санкционная» часть устава ШОС не имеет никакого значения, более того — компрометирует саму Организацию.

Вторая. В Тегеране считают, что предложенная «компромиссная формула» на самом деле является попыткой в очередной раз использовать Иран в качестве «разменной карты» на переговорах с США и ЕС.

Многие в Тегеране всерьез обеспокоены тем, что если Вашингтон и европейские столицы пойдут на смягчение своей нынешней политики в отношении России, то «компромиссная формула» может быть под различными предлогами отменена. Логика подобных опасений вполне понятна и связана с определенным недоверием к внешней политике России. В Тегеране уверены, что если бы Москва проявила политическую волю в вопросе принятия Ирана в ШОС, то эта проблема давно уже была бы решена. Причем, оговорки типа, что вступлению Исламской республики в Организацию препятствует особая позиция некоторых других государств-членов ШОС, Тегеран всерьез не рассматривает, так как считает, что при желании, политического веса Москвы для «продавливания» этого решения вполне достаточно.

Третья. Иран оценивает прием в члены ШОС Индии и Пакистана как бомбу замедленного действия.

В Тегеране не без оснований считают, что ставка на «расширение ШОС» только за счет количественных показателей является серьезной ошибкой. Нью-Дели с его ориентацией на США и наличием непреодолимых противоречий в отношениях с Китаем и Пакистаном станет тем «троянским конем», который будет саботировать работу Организации. Тем более, что и само индийское руководство в последнее время все более открыто дает понять, что идея со вступлением в ШОС для нового внешнеполитического курса Нью-Дели — вчерашний день и пройденный этап. Для Индии эта Организация может представлять крайне ограниченный интерес — как допол-

нительная площадка по афганскому урегулированию, не более. А Пакистан, в силу крайне нестабильного положения внутри страны, по мнению некоторых иранских экспертов, не только не сможет быть полноценным партнером по проблемам безопасности в «регионе ШОС», но и станет источником проблем для Организации, как рассадник международного терроризма и религиозного экстремизма.

Четвертая. Многие иранские эксперты уверены, что с принятием Индии и Пакистана в ШОС устанавливается прямой интерфейс между Вашингтоном и этой Организацией. США и Запад крайне не заинтересованы в эффективной деятельности ШОС как международной организации, т. к. эффективная деятельность этой структуры приведет к усилению роли ШОС и его членов на международной арене. Поэтому есть опасение, что при решении любых вопросов эти страны, просто «из-за принципа», могут придерживаться альтернативной точки зрения. По сути, с членством этих стран в ШОС США будут иметь сразу двух своих представителей в этой Организации и смогут напрямую влиять на деятельность ШОС во всех аспектах.

Пятая. В Тегеране всерьез обеспокоены тем, что вопреки декларациям о региональном сотрудничестве и взаимовыгодной кооперации, в реальности нынешняя стратегия ШОС предлагает членам Организации такую схему отношений, при которой Китай будет доминировать в экономике, Россия — в политике и вопросах безопасности, а остальным членам отводится роль статистов.

По сути, и на сегодняшний день, и на перспективу политические и экономические интересы Ирана в «регионе ШОС» учитываются Организацией не в полной мере. Более того, в Тегеране считают, что основные экономические проекты, предложенные государствам-участникам, как в рамках ЕАЭС, так и в рамках «экономического пояса Шелкового пути» и «морского Шелкового пути 21-го века», не предусматривают развития экономического потенциала Ирана, оставляя его «за бортом» региональной кооперации. Существует мнение, что промышленный, технологический и логистический потенциал иранской экономики вообще не воспринимается в ШОС всерьез, а соответственно как и у Москвы, так и у других членов Организации отсутствует полноценная повестка экономического сотрудничества с Ираном и его участия в крупных интеграционных проектах.

Шестая. В Тегеране считают, что ШОС в настоящее время уделяет недостаточно внимания вопросам региональной безопасности и, в первую очередь, в вопросах борьбы с терроризмом, сепаратизмом и наркотрафиком.

Поэтому Иран настаивает, что перед лицом новых угроз и вызовов, сформировавшихся в «регионе ШОС» за последние годы, теме безопасности и координации усилий в этой сфере должно быть уделено максимально возможное внимание. Как отмечал в своем выступлении на московской конференции Джавад Зариф, «необходима консолидация индивидуальных и коллективных стратегий, чтобы противостоять этому явлению (распространению ИГ), искоренить зло. Во имя этого необходимо объединить свои усилия в борьбе с возвеличиванием безнаказанного стремления к господству в регионе». Причем, ключевыми здесь являются слова о консолидации «индивидуальных и коллективных стратегий», поскольку, по большому счету, на должный уровень координации между государствами-участниками

борьба с сепаратизмом, экстремизмом и наркотрафиком в «регионе ШОС» так и не вышла. И с учетом того, какие издержки в этой борьбе вынужден брать на себя Тегеран, определенное раздражение местных экспертов вполне обоснованно — сколько можно подменять реальную борьбу с нарастающими угрозами и вызовами бесконечными консультациями, согласованиями и «протоколами о намерениях». Большинство из которых остаются на бумаге, а вот реальный враг усиливается с каждым днем.

* * *

Подчеркнем, что изложенное выше — это, в определенной мере, субъективное мнение части иранского общества. Но даже к субъективным и неофициальным мнениям потенциального союзника нужно прислушиваться очень внимательно. Ситуация с принятием Ирана в ШОС напоминает трагикомичную ситуацию с приемом Турции в ЕС. Там хоть как-то разъясняют, по каким причинам не хотят пока видеть эту страну в ЕС. Здесь же все прикрываются пресловутой нормой регламента о санкциях, которая на самом деле никакого отношения к самим санкциям СБ ООН не имеет. При желании, как ввели, так же могли бы и отменить. Но, как бы там ни было очевидно одно: ШОС нужна Ирану. И Иран нужен ШОС как один из ключевых участников, без которого многие проекты в экономике и, особенно, по безопасности региона (страна имеет колоссальный опыт борьбы с международным терроризмом, сепаратизмом, наркоторговлей и наркотрафиком) так и останутся декларациями. А между тем, новые угрозы и вызовы требуют незамедлительной реакции и максимальной координации усилий всех членов ШОС.

Игорь Панкратенко

Переговоры по ядерной программе Ирана: интриги в финале

До 30 июня, даты, назначенной финальной точкой в переговорах по иранской ядерной программе, осталось немногим более десяти дней. Но оптимизма в официальных заявлениях резко поубавилось, а мировые масс-медиа, столь падкие на обсуждение всех мелочей переговорного процесса, внезапно впали в информационную застенчивость, отделяваясь сухими сообщениями об очередных консультациях. Совершенно очевидно, что процесс подготовки итогового Соглашения резко замедлился. Остается только понять, по чьей вине это произошло.

Когда автор этих строк в апреле нынешнего года говорил о том, что «успех Лозанны» — это большой блеф, что никакого реального прорыва там не произошло, целый ряд экспертов и даже дипломатов обвиняли его в излишнем пессимизме, злопахательстве и вообще в непонимании всей глубины происходящего. Однако, на просьбу «предъявить бумагу», то есть ознакомить с текстом якобы подписанного тогда «политического соглашения», с которым носились как с расписным яйцом, начинали невнятно говорить что-то о черновиках, некоем «промежуточном тексте», нуждающемся в уточнении.

Вопрос, между тем, был принципиальным, поскольку если основные договоренности были зафиксированы на бумаге, то в оставшееся время нужно было лишь подготовить к ним несколько приложений технического характера. И совсем другое дело, если никакого «политического соглашения» не было. В этом случае, все происходящее является ничем иным как дешевым спектаклем для невзыскательной публики, в котором актеры лишь «отрабатывают номер» и произносят ничего не значащие фразы. И при этом Вашингтон, Лондон и Париж никакого соглашения заключать не собираются. Берлин участвует из соображений престижа. Москва на происходящее всерьез повлиять то ли не может, то ли не хочет. А Пекину происходящее в общем-то безразлично, поскольку ему санкции товарооборот с Ираном наращивать совершенно не мешают.

Так, собственно, и получилось. За десять с небольшим дней до финала из абсолютно достоверных источников известно, что основной текст итогового Соглашения представляет собою «лоскутное одеяло» из нескольких абзацев, разорванных пустотами, поскольку около десяти (!) основных положений из четырнадцати так окончательно и не согласованы. А из пяти приложений к этому соглашению судьба одного — нужно оно или нет — так и не

определена, а четыре оставшихся являют собой черновики со множеством пометок, исправлений и добавлений.

Что косвенно подтвердил не кто иной, как Джон Керри, заявивший 17-го июня о том, что «США и другие участники шестерки не намерены торопиться с заключением соглашения только для того, чтобы заключить какое-то соглашение». И вообще, «мы не собираемся подписывать соглашение, которое, по нашему мнению, не решает стоящие перед нами задачи», — отчеканил главный американский дипломат.

Американская тяга к «прозрачности» в ущерб иранскому суверенитету

Любому здравомыслящему человеку понятно, что никакие переговоры по отдельной проблеме не могут идти десять лет. И если подобное происходит, то здесь явно что-то не так, и как минимум одна из сторон на таких переговорах лукавит, совершенно не желая достичь взаимоприемлемого итога. А значит постоянно выдвигает все новые и новые требования, которые другая сторона без ущерба своему суверенитету принять не может.

В нашем случае, на переговорах Ирана с «шестеркой» международных посредников, таким требованием американской стороны стала «прозрачность». Причем в совершенно анекдотической форме, напоминающей требование жены к мужу привезти справку с курорта о том, что он там ей не изменял за подписью... всех находящихся на курорте женщин. Уже специалисты-физики и ядерщики с мировым именем, подвергнув имеющиеся у них данные скрупулезному анализу, заявили, что в иранской ядерной программе нет на сегодняшний день военной составляющей. В 2009–2011 годах ведущие разведслужбы мира — ЦРУ, Моссад, СВР РФ, БНД Германии и Генеральный директорат внешней безопасности Франции пришли к выводу, что Иран не стремится к производству атомного оружия. Но разве для антииранской коалиции это доказательства?

В 2009–2011 годах ведущие разведслужбы мира — ЦРУ, Моссад, СВР РФ, БНД Германии и Генеральный директорат внешней безопасности Франции пришли к выводу, что Иран не стремится к производству атомного оружия

Неудержимая тяга к прозрачности охватила сначала МАГАТЭ, как известно независимое ни от кого кроме США. Вначале в недрах этого бюрократического альфонса, живущего преимущественно американскими взносами, родилась инициатива подвергнуть перекрестному экспертному допросу всех более-менее значимых лиц, занятых в иранской ядерной программе. Нужно отдать должное тактичности чиновников Агентства — допрос предлагалось проводить без детектора лжи, просто под запись на камеру.

В Тегеране от подобной инициативы буквально впали в ступор, но как оказалось сделали это рано, поскольку следом появилось требование пустить «международных экспертов» не только на атомные объекты — чему Иран, кстати, никогда не препятствовал — но и на «военные базы и гражданские учреждения в отношении которых есть основания полагать, что их дея-

тельность каким-либо образом и в какой-либо форме может быть связана с ядерной программой Ирана». Причем, эти базы и учреждения предлагалось «подвести» под Дополнительный протокол Кодекса МАГАТЭ, который позволяет инспекторам при определенных условиях посещать проверяемые объекты с предупреждением всего за два часа.

Ну и заодно чиновники Агентства потребовали от Тегерана предоставить отчеты по поводу возможного военного характера его ядерной программы, в особенности за период до 2003 года.

Выполнение этих требований МАГАТЭ как условие подписания итогового Соглашения тут же поддержала Франция. А в Вашингтоне, получив прекрасный предлог в очередной раз затянуть переговоры, сделали «тонкий», как им показалось, ход. Допрос иранских атомщиков — это, конечно, перебор, — отметили там. Но вот доступ инспекторов на «подозрительные объекты» — это обязательно, без этого никаких соглашений не будет. Как заявил на днях пресс-секретарь государственного департамента Джефф Ратке, сменивший на этом посту любимицу публики Дженифер нашу Псаки, «без инспекций процесс отмены санкции не может быть начат».

Санкции и «самый послушный пудель Америки»

Главная цель иранского руководства, из-за которой Тегеран все еще продолжает участвовать в многосерийной мелодраме под названием «переговоры по ядерной программе», заключается в снятии со страны международных санкций и ослаблении санкций односторонних. Судя по имеющейся информации, в этом принципиальном вопросе ситуация на переговорах близка к тупиковой.

Вашингтон, Париж и Лондон настаивают на том, что наложенные на Иран санкции ООН должны сниматься постепенно

Во-первых, Вашингтон, Париж и Лондон категорически не намерены в рамках данного Соглашения рассматривать вопрос о введенных ими односторонних санкциях, заявляя, что это — предмет отдельного разговора руководства США и ЕС с Тегераном.

Во-вторых, на сегодняшний день Вашингтон, Париж и Лондон настаивают на том, что наложенные на Иран санкции ООН должны сниматься постепенно. Как заявляют эксперты Белого дома, «фундаментально это соглашение должно заблокировать путь Ирана к ядерному оружию: так на-

зываемые урановый путь, подземный путь, и начать осуществление беспрецедентной, многоуровневой мониторинговой программы, которая сможет обнаружить и предотвратить возможные нарушения соглашения Ираном на протяжении более чем десяти лет». Вот на эти десять лет и предлагается растянуть снятие санкций.

Впрочем, готов и «запасной вариант». Если все же договоренность об отмене санкций ООН после подписания Соглашения будет достигнута — ведь у Ирана терпение тоже не безгранично, без решения этого вопроса дальнейший диалог для него полностью теряет смысл — Барак Обама предложил оригинальный принцип «Snap-Back». Который означает, что если

возникнут подозрения в том, что Тегеран нарушает условия Соглашения, то санкции ООН возобновляются автоматически, без нового решения Совета Безопасности.

Подоплека этой политической новации американского президента вполне очевидна, и в Вашингтоне ее особо не скрывают. Как заявила посол США в ООН Саманта Пауэр, выступая в американском Конгрессе, «таким образом мы сохраним возможность восстановления всей архитектуры санкций против Ирана независимо от российской или китайской позиции в этом вопросе». То есть, при таком механизме возможности у Москвы или Пекина воспользоваться своим правом «вето» не будет.

Эту идею тут же горячо и с энтузиазмом поддержала Франция, что совершенно не удивительно, поскольку Париж становится основным игроком еще одной интриги, разворачивающейся на заключительном, как казалось бы, этапе переговоров. Нынешняя администрация Белого дома и особенно дуэт Обама-Керри, слишком много вложили в диалог с Ираном. Преследовавшая весьма ограниченные цели игра в нормализацию отношений с Тегераном зашла слишком далеко для того, чтобы они сумели сейчас выйти из нее и не потерять при этом лица перед американским истеблишментом и мировой общественностью. Значит срочно нужен «злой полицейский», «принципиальность и строгость» которого не позволит Соглашению состояться в невыгодной для антииранской коалиции форме — с полной отменой санкций, снятием ограничений и массы других нежелательных последствий — от ущерба безопасности Израиля до вступления Ирана в ШОС. Судя по всему, Франсуа Олланд, «самый послушный пудель Америки», как его называют соотечественники, готов взять на себя эту роль.

На фоне всех этих и других интриг к заявлениям о том, что 30-го июня что-то будет подписано, в мире относятся все более скептически. Тем более, что и сами дипломаты стали поговаривать, что, дескать, эта дата совсем не обязательная, что и 9 июля можно закончить, и в августе — ничего страшного не произойдет.

«Таким образом мы сохраним возможность восстановления всей архитектуры санкций против Ирана независимо от российской или китайской позиции в этом вопросе»

* * *

И действительно. «Если подписания Соглашения в указанные сроки не состоится — конца света не наступит», — метко заметил Верховный лидер Ирана Али Хаменеи, — «Для Ирана ничего серьезно не изменится». Как, впрочем, и для остального мира. Тем, кто намерен развивать отношения с Тегераном, санкции особо помехой не станут. Те же, кто этого всячески избегает, и при полной отмене ограничений оправдание себе найдут. Вопрос только в том, что в данной ситуации не стоит ориентироваться на США и их союзников. Как это обычно бывает, из паутины собственных интриг Вашингтон и его союзники выпутываются достаточно успешно. А вот у остальных «вляпавшихся» начинаются проблемы.

Иран — США: Тегеран не спешит заглатывать наживку американской «хромой утки»

Намеченный странами «шестерки» международных посредников и Ираном срок заключения окончательного соглашения по ядерной проблеме ИРИ истекает. По мере приближения переговорщиков к 30 июня, успешность финальной стадии консультаций остается неопределенной. На руках у Тегерана и его партнеров по многомесячным переговорам со 2 апреля имеется базовый текст, рамочное соглашение, которому требуется придать вид действующего международного договора. Впрочем, «дьявол» не столько в дипломатических нюансах технического характера, как об этом множество раз можно было услышать от непосредственных участников обсуждений. Ядерная сделка давно приняла вид американо-иранского геополитического спора, который Вашингтон и Тегеран на предыдущих этапах пытались устранить по-разному. Помимо США, другие участники «шестерки» не имеют принципиальных возражений к тому, что уже наработано и перенесено на текст рамочного соглашения от 2 апреля. Подобных возражений нет и у американской администрации, однако весь вопрос в том, насколько нынешний этап сам по себе подходит для заключения с Тегераном окончательных договоренностей.

Президент Барак Обама и его команда в Белом доме не скрывают своего стремления форсировать сделку к указанной дате или, по крайней мере, в близкие к ней сроки. Остающиеся Обаме полтора года на посту главы государства, надвигающаяся перспектива монопольного республиканского правления, когда и президент, и большинство в обеих палатах Конгресса будут принадлежать после 2016 года к Республиканской партии, заставляют президента-демократа ускорить развязку в отношениях с Ираном. На этот счет в Вашингтоне даже сложился определенный консенсус. Его промежуточным итогом стало фактическое согласие республиканского крыла Конгресса с тем, что, если Обама желает привести сделку с Ираном к конкретному результату, то ему в этом мешать не стоит. 22 мая президент США подписал закон, обязывающий его администрацию направить на рассмотрение Конгресса окончательное соглашение по ядерной программе Ирана. Согласно закону, Обама через 5 календарных дней после заключения соглашения с Тегераном, которое должно произойти 30 июня, обязан представить профильным комитетам Сената и Палаты представителей текст этого документа. На его рассмотрение конгрессменам отводится 30 дней. После этого глава Белого дома в течение 12 дней сможет наложить вето на решение Конгресса, а у того будет еще 10 дней на оспаривание президентского решения. В течение всего этого периода США не будут снимать

с Ирана какие-либо санкции. Хотя у республиканцев, традиционных критиков Обамы за его «мягкотелость» в ведении дел с Ираном, в обеих палатах уверенное большинство, все же 2/3 голосов в Конгрессе для преодоления президентского вето набрать не представляется возможным. А это сигнал Обаме к тому, что он может действовать на иранском направлении без особого стеснения.

Понять Обаму, изыскивающего шанс на сколь-нибудь значимый внешнеполитический успех, можно. Палестино-израильское урегулирование — еще один ближневосточный «конек» президента-лауреата Нобелевской премии — находится в откровенном тупике. Остается основательно вложиться в дело разрешения противоречий с Ираном вокруг его ядерной программы, и посредством этого выйти на некие комплексные геополитические развязки в американо-иранских отношениях.

Другой вопрос, насколько Иран готов к форсированным решениям вокруг своей ядерной программы. Ответ не воодушевляет сторонников быстрых решений на Ближнем Востоке. Фактически все предыдущие попытки США и Ирана выйти на компромиссы, отчет которым берется со старта конфиденциальных переговоров летом 2009 года в Омане, можно свести к одному вопросу. Будет ли геополитическая развязка между Вашингтоном и Тегераном носить пакетный характер или же она ограничится тактическим разменом?

Когда при посредничестве султана Омана Кабуса бен Саида открылся секретный канал американо-иранских консультаций, на ближневосточной политической карте отсутствовали горячие точки в Сирии, Ираке, Йемене. На отрезке 2009–2011 годов Иран склонялся к пакетному формату урегулирования отношений с США, подразумевающего широкий охват региональных тем. Намеки-предложения на «пакетное» устранение имеющихся проблем были в избытке представлены в заявлениях иранской стороны. Но до 2011 года США относились к подобным сигналам Ирана крайне скептически. К текущему моменту, когда Ближний Восток воспламенился сразу несколькими интенсивными военными конфликтами, приоритеты США и Ирана претерпели существенные изменения. Страны как бы поменялись местами, и ныне уже американская администрация посылает Тегерану сигналы о своей готовности обсудить не только тактику, но и стратегию дальнейших действий в регионе. В свою очередь, иранская сторона не спешит открыть свои карты, максимально затягивая интригу.

Тегеран разумно полагает, что любая договоренность с нынешней администрацией Обамы по любой ближневосточной проблеме, не говоря уже о некоем «пакетном» разрешении имеющихся противоречий, не будет носить устойчивый характер. Помимо того, что через полтора года Обамы вообще не будет в Белом доме, иранцев тревожит следующий вопрос. Насколько американцы ныне контролируют ситуацию на Ближнем Востоке, чтобы с ними можно было вступать в продвинутый диалог? Саудовская Аравия и Турция все больше выходят из-под влияния США. С Египтом американцы изрядно испортили отношения. На таком фоне дистанцирования всех крупных ближневосточных игроков от США сложно предположить, чтобы «пакетное» урегулирование американо-иранских отношений оказалось бы выгодным Тегерану с точки зрения влияния на позиции Эр-Рияда, Анкары и Каира в регионе. Иначе говоря, для указанного Востока, олицетворяющих собой суннитские политические центры Ближнего Востока, сделка США с Ираном не будет носить характер геополитической аксиомы, с которой нельзя не считаться. Отдельный вопрос — как вообще

возможно в нынешней ближневосточной турбулентности, при наличии сразу нескольких крупных и мало поддающихся подсчету «мелких» государственных и негосударственных игроков, уповать на снятие всех или хотя бы большинства противоречий одним «пакетом»?

Повторимся, то, что было, хотя и с большим трудом, но в целом достижимо на отрезке 2009–2011 годов, ныне более чем абстрактно. Находящихся за десятки тысяч километров от Багдада, Дамаска и Саны американцев такая абстракция не пугает, а даже представляется привлекательной. Когда нет продуманной стратегии на Ближнем Востоке и на горизонте замаячила перспектива смены демократического «караула» в Белом доме на республиканский, всегда можно будет сослаться на массу обстоятельств, которые сделали «пакет» соглашений с иранцами недееспособным. В отличие от Вашингтона, Тегеран не может позволить себе такую роскошь, как достижение предметных договоренностей с американцами, реализуемость которых решительно проблематична.

К тому же, если для американцев ядерная сделка с Ираном — это внешнеполитический проект, крушение которого не приведет к тектоническим сдвигам внутри политического поля США, то для иранцев все обстоит намного сложнее. Старт секретных переговоров в Омане летом 2009 года фактически совпал с известными внутренними брожениями в Иране. Тогда консервативное крыло политического истеблишмента страны с честью вышло из затруднительного положения, стабилизировало ситуацию, не позволив внешним силам развить внутрииранскую эскалацию. США оценили запас прочности Ирана. Еще большее впечатление на них произвел тот факт, что находящаяся под огромным санкционным давлением страна после 2011 года смогла не только устоять изнутри, но и спроецировать свою мощь на соседние страны. Без Ирана соседний ему Ирак был бы совсем другим. Не будь оказанной иранцами вовремя поддержки, скорее всего, в Багдаде уже несколько месяцев как орудовали бы боевики «Исламского государства». Без Ирана еще более удручающей была бы участь Дамаска, где алавитский режим Сирии продолжает демонстрировать чудеса прочности. Фактор шиитских повстанцев-хоуситов в Йемене представлялся важным для США инструментом сдержания Саудовской Аравии и других арабских монархий Персидского залива в своей орбите. В итоге Иран де-факто превратился в наиболее дееспособного партнера США в Ираке и Сирии, в единственную силу, которая может эффективно сдерживать и одновременно наносить удары по вышедшей из-под американского и саудовского контроля джихадистской группировке. В Йемене предпосылки к партнерству США и Ирана далеко не очевидны. Но и здесь Тегеран демонстрирует искусство политического лавирования на фоне во многом «топорных» действий саудовцев, окунувшихся в заранее проигрышную кампанию нанесения ракетно-бомбовых ударов по позициям хоуситов.

Между тем, все это далось Ирану при неимоверной внутренней концентрации сил. Внутриполитическая монолитность страны на самом деле не столь уж необратима, но иранские консерваторы сохраняют в своих руках рычаги управления. Тамошние реформаторы возглавили движение сторонников урегулирования отношений с США, и с первыми лицами этого вектора иранской политики отождествляются переговоры по ядерному досье Тегерана. Это президент ИРИ Хасан Роухани и глава МИД страны Мохаммад Джавад Зариф. Вместе с тем, пока на публичном уровне иранской дипломатии преобладают реформаторские веяния, целый пласт принципиально важных для Ирана вопросов продолжает находиться под влиянием его военно-политического руководства. Армейское

командование, первые лица Корпуса стражей Исламской революции (КСИР), спецслужбы имеют свой взгляд на внешнеполитические вопросы. Начальник генштаба Хасан Фирузабади, министр обороны Хосейн Дехган, командующий КСИР Мохаммед Али Джафари, командир сил спецназначения «Кодс» Касем Сулеймани, другие видные представители военной верхушки далеки от миротворческих порывов президента и министра иностранных дел Ирана. В высших эшелонах власти страны представлена и условно «срединная» линия, некий политический центр, балансирующий между реформаторами и консерваторами. Сюда можно отнести главного иранского переговорщика с коллегами политдиректорами из «шестерки» замглавы МИД ИРИ Аббаса Аракчи, советника высшего руководителя страны по внешнеполитическим вопросам Али Акбара Велаяти. Сам духовный лидер аятолла Али Хаменеи пребывает именно в этом, равноудаленном русле поддержания политического баланса. Известная формула Али Хаменеи, утверждающая, что он не против переговоров с Западом в целом и с США в частности, но сильно сомневается в их успешной результативности — это наглядная демонстрация такой равноудаленности.

В подобной внутривластной диспозиции Ирана наиболее рациональным представляется отложение геополитической развязки с США. В иранской столице не против, если переговоры будут вновь продлены, перешагнув рубеж «30 июня» еще на несколько месяцев. «Пакет» мог устроить иранскую сторону, примирив между собой реформаторов и консерваторов, если бы он дал стране полное и одномоментное снятие всех санкций. Ничего подобного США иранцам не обещают. Более того, Обама уже заверил Конгресс, что снятия всех ранее введенных против Ирана санкций не последует в любом случае. Продолжат свое действие, как минимум, те ограничительные меры для иранских лиц и компаний, которые применяются против Тегерана в виду его «спонсорства» над международным терроризмом. Даже столь важная прибавка в бюджет Ирана после снятия санкций, как возможность выйти на рынок с дополнительным объемом ежедневного экспорта в 1 млн баррелей нефти, уже не кажется Тегерану панацеей от всех экономических тягот. Финансовые авуары иранцев в западных банках Соединенные Штаты не намерены подвергать полной «разморозке» при любом дальнейшем сценарии развития событий — будет ли «пакет» или все ограничится очередным тактическим разменом.

Для многих остается открытым вопрос, желает ли Тегеран по-настоящему продолжения переговоров после 30 июня или звучащая оттуда риторика является лишь дипломатической завесой? В этом отношении определенную подсказку может дать недавнее выступление главы Верховного суда Ирана Садека Лариджани (брат спикера парламента ИРИ Али Лариджани). В нем Лариджани-младший заявил, что не в санкциях надо искать экономические беды страны, а в плохом управлении. При этом он посоветовал не ожидать улучшения ситуации в случае снятия санкций.

Несомненно, последнее слово, как и прежде, останется за высшим руководителем и духовным лидером Али Хаменеи. И именно ему, выразителю внутрииранского баланса во власти, может потребоваться еще какое-то время на размышление. Таким образом, перенос «дедлайна» в переговорах вновь замаячил на горизонте. Пыл Обамы «взять» иранцев наскоком, заманив их наживкой в виде некоего «пакета» урегулирования всех разногласий, в Тегеране не оценили. Если становящийся с каждым днем все больше «хромой уткой» Обама готов к опережению событий, то персы не спешат с окончательными решениями. Они вообще никогда никуда не спешат.

Игорь Панкратенко

«Прорыв» в российско-саудовских отношениях: между мифом и обманом

Посещение министром обороны Саудовской Аравии принцем Мухаммедом бен Салманом — третьим человеком в иерархии королевства — экономического форума в Санкт-Петербурге и его встречу с Президентом Владимиром Путиным наблюдатели тут же назвали главной «информационной сенсацией». А после объявления о том, что министр энергетики России Александр Новак и министр нефти Саудовской Аравии Али аль-Наими подписали договор о сотрудничестве, особо эмоциональные эксперты и журналисты в Москве заговорили о «прорыве» в российско-саудовских отношениях. Так ли это на самом деле?

Но сначала — коротко, одним абзацем — о том, что же из себя в действительности представляет Петербургский международный экономический форум (ПМЭФ). Поскольку увлеченные рассказом о нем российские масс-медиа представили нам картину некоего масштабного действия, имеющего глобальный и судьбоносный характер. Чем, на самом деле, это мероприятие совершенно не является, а к его итогам надо относиться предельно трезво и даже скептически. В первую очередь ПМЭФ — это пиаровская акция, реализуемая на государственном уровне, в ходе которой решаются, прежде всего, пропагандистские задачи. По устоявшейся российской традиции, на нем объявляется о каких-то больших сделках. Причем, как правило, эти сделки либо готовились заранее, либо представляют собой громкие «декларации о намерениях», ни к чему особо стороны юридически не обязывающие.

Что же касается реального экономического «выхлопа» этой большой тусовки бизнеса и представителей власти, то совершенно не лишним будет напомнить, что заявленный в 2014 году на этом форуме объем «сделок» и «инвестиций» составил аж сотни миллиардов рублей. Благополучно оставшихся на бумаге и в фантазиях. В то время, как отток капитала из страны в период между ПМЭФ-2014 и ПМЭФ-2015 в сумме около 150 миллиардов долларов, оказался суровой реальностью.

Впрочем, нынешний Петербургский форум имел одну особенность. Его организаторам и их кураторам из правительства крайне важно было показать, что вопреки санкциям и провалам в экономике, ужесточению конфронтации с Западом авторитет России в мире только растет, как растет и число стран, заинтересованных в сотрудничестве с ней. Саудиты очень точно

просчитали эту особенность, а потому их появление на ПМЭФ делегацией чуть не в пятьсот человек вызвало неподдельный восторг — смотрите, мол, «делегация из Саудовской Аравии приехала на международный экономический Форум на трех специально зафрахтованных самолетах, несмотря на международные санкции и тот факт, что Эр-Рияд является одним из главных союзников США на Ближнем Востоке». Вот она — сенсация, вот он — «прорыв». Тут уже не до адекватной оценки ситуации, не до объективного анализа экономических и внешнеполитических факторов — куй железо, пока горячо, подписываем все бумаги, потому как такое событие, прямо песня: «К нам приехал, к нам приехал Мухаммед Салманович дорогой!»

Сказки «1000 и одной ночи» в саудовском исполнении

Еще раз повторюсь — саудиты очень точно просчитали линию своего поведения. О Сирии и положении на Ближнем Востоке — исключительно вскользь. Никакой политики, только бизнес и приятные для Москвы слова принца Мухаммеда о том, что «Эр-Рияд рассматривает Россию как одно из важнейших государств в современном мире», а потому выступает за «перезагрузку» российско-саудовских отношений и тесное экономическое сотрудничество двух стран.

В подтверждение своих слов представители Эр-Рияда не скупились на подписание «деклараций о намерениях», а уж в отношении обещаний — так вообще были по-королевски щедры. Сначала, как уже упоминалось выше, министр энергетики России Александр Новак и министр нефти Саудовской Аравии Али аль-Наими, по официальной версии подписали «договор о сотрудничестве». Затем последовали не менее сенсационные сообщения о проектах в атомной энергетике — дескать, Эр-Рияд хотел бы с российской помощью построить ни много, ни мало, а 16 (шестнадцать!) АЭС, купить некоторое количество российских танков и комплексы «Искандер-Э», реализовать совместные проекты на базе российской системы «ГЛОНАСС». А кроме того, инвестировать в сельское хозяйство и даже в ЖКХ России.

Слегка уняв головокружение от столь восхитительных перспектив, пройдемся, уважаемый читатель, сначала по экономической составляющей некоторых из этих уже подписанных или готовящихся к подписанию российско-саудовских «деклараций о намерениях».

Прежде всего — о нефти. Во-первых, как вскоре было уточнено, нет никакого договора о сотрудничестве, а есть «Меморандум», который, во-первых, не касается добычи нефти или экспортной стратегии, а, во-вторых, предусматривает лишь создание некоей «рабочей группы», которой еще предстоит проработать конкретные проекты. То есть все продекларированное «сотрудничество» в нефтяном секторе по сути сводится к обсуждению того, где бы Москва и Эр-Рияд могли «посотрудничать», простите за невольную тавтологию.

В подтверждение своих слов представители Эр-Рияда не скупились на подписание «деклараций о намерениях», а уж в отношении обещаний — так вообще были по-королевски щедры

С «мирным атомом» — точно такая же история. Суть подписанного «Межправительственного соглашения о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии» заключается в, цитирую официальный источник — Департамент коммуникаций Госкорпорации «Росатом» — «формировании координационного комитета для дальнейших консультаций по вопросам, касающимся использования атомной энергии в мирных целях, а также формировании совместных рабочих групп для выполнения конкретных проектов и научных исследований, обмен экспертами, организация семинаров и симпозиумов, содействие в обучении и подготовке научного и технического персонала, обмен научно-технической информацией».

По поводу «ГЛОНАСС». Роскосмос и МИД РФ ведут с саудовской стороной работу по формированию соответствующей договорно-правовой базы аж с 2008 года, а конкретных результатов пока нет. И, по всей видимости, не предвидится, поскольку за этот же период саудиты уже достигли конкретных договоренностей в этой сфере с США и Францией.

Что же касается военно-технического соглашения о сотрудничестве, то здесь возникает стойкое ощущение «дежа вю». Напомню, что в 2007 году Саудовская Аравия сообщила о намерении приобрести российского оружия на 4 миллиарда долларов: 150 танков Т-90, 100 вертолетов Ми-17 и Ми-35,

100 БМП-3, 20 комплексов ПВО. Громкие заявления по этому поводу ушли, что называется «в песок», поскольку имели под собой исключительно политическую подоплеку — «компенсировать» России убытки от разрыва военно-технического сотрудничества с Ираном. Как только Москва на это согласилась, саудиты тут же свернули переговоры о приобретении российских вооружений. Примерно так произойдет и в этот раз, поскольку, во-первых, отечественная техника в структуре вооруженных сил Королевства совершенно не вписывается. А, во-вторых, оружейные контракты с Эр-Риядом — вотчина военно-промышленного комплекса США, и никто России откусить от этого «пирога» не позволит.

В отношении же обещаний саудовских инвестиций, да еще в такие проблемные отрасли как сельское хозяйство и ЖКХ, то эту тему всерьез и обсуждать не стоит. В ЖКХ боится инвестировать российское правительство, так что совершенно непонятно, почему в эту «черную дыру» будут вкладываться саудиты, у которых, с учетом нынешних цен на нефть «свободных» денег уже практически нет, еще немного и они сами будут ходить с протянутой рукой. К тому же, в свете реформ, которые проводит нынешний король Салман, у Королевства и династии есть более перспективные и актуальные сферы для инвестирования.

Интрига Эр-Рияда

Немного сухой статистики. Пятерка лидеров в торгово-экономическом партнерстве Королевства выглядит следующим образом:

В ЖКХ боится инвестировать российское правительство, так что совершенно непонятно, почему в эту «черную дыру» будут вкладываться саудиты

- по экспорту — США (14,3%), Китай (13,7%), Япония (13,7%), Южная Корея (9,9%), Индия (8,2%).
- по импорту — Китай (13,5%), США (13,2%), Южная Корея (6,7%), Германия (6,5%), Индия (6,3%).

По данным на конец 2013 года — с тех пор ситуация особо не изменилась — доля России во внешнеторговом обороте Саудовской Аравии не превышает 0,2 процента, и никаких предпосылок к сколько-нибудь заметному росту этой доли нет. Словом, говорить о некоем «прорыве» — это сильно искажать реальность. И в Эр-Рияде это прекрасно понимают. Отчего же такая активность?

Перед нами — типичная интрига, которую совместно закручивают Эр-Рияд и Вашингтон. Утверждения о том, то у Саудовской Аравии может быть некая самостоятельная внешнеполитическая стратегия, противоречащая американским интересам — глубочайшее заблуждение. Повторю то, о чем говорил неоднократно: нет такого государства — Саудовская Аравия. Есть совместный проект американских нефтяных корпораций, «ястребов» из политической элиты Вашингтона и верхушки местных племен. Первые — получают финансовые и политические «сливки» от контроля за ресурсами, военно-политического присутствия в регионе и постоянного притока средств от монархов в американский ВПК. А верхушка племен, по условиям этого проекта, получает как право фактически бесконтрольно распоряжаться своей долей прибыли от продажи энергоресурсов, так и право сохранять свою власть в стране и во всем регионе средневековыми методами.

Будучи «непотопляемым авианосцем» США на Ближнем Востоке, Королевство является сегодня главным источником угроз как для стабильности в регионе, так и для российских интересов в нем. Задачи Эр-Рияда — гегемония в исламском мире, экспорт экстремизма, уничтожение Сирии, холодная война с Ираном и разжигание суннитско-шиитского противостояния — полностью противоречат стратегическим целям Москвы, пусть даже эти цели так до конца не сформулированы.

Приезд и участие представительной саудовской делегации на Петербургский форум имеет только одну цель — вовлечь Россию в процесс торга, как это было уже неоднократно, в обмен на некие финансовые и экономические преференции. Причем эти преференции ничем кроме слов и обещаний не гарантированы и взамен рассчитывают добиться от Москвы в основном две вещи: отказа от партнерства с Ираном и от поддержки Башара Асада. Вашингтон, по определенным причинам, напрямую предложить это российскому руководству не может. Поэтому роль посредника и главного лица этой интриги взял на себя Мохаммед бен Салман.

Как это уже было не раз, ничего взамен Москва не получит. Надежда на то, что Эр-Рияд откроет некую кредитную линию для российской экономики, столь же наивны, как и расчет на то, что, якобы ей позволят, как надеется ряд отечественных наблюдателей, «участвовать в кастинге на очень прибыльную во всех отношениях роль посредника в ближневосточных делах. Этакого медиатора, который будет заниматься урегулированием саудовско-иранских противоречий». Ни США, ни Саудовской Аравии, ни третьему члену этой коалиции — Израилю — Россия на Ближнем Востоке не нужна, а уж в качестве посредника — тем более.

«Прорыв» в российско-саудовских отношениях существует только в головах тех, кто в погоне за пропагандистским успехом начисто игнорирует экономические и политические реалии. Без всякого преувеличения — Эр-Рияд считал и продолжает считать Москву врагом. Обмануть и «кинуть» которого, предварительно выторговав сдачу реальных союзников — тех же Дамаска и Тегерана — не только не грех, но и доблесть. Саудиты уже делали это в 2008–2011 годах в вопросе с С-300 и фактическом присоединении России к односторонним санкциям против Ирана. Они делали это в 2012–2013 годах, когда совместно с Израилем продавливали решение Москвы об отказе поставок тех же зенитно-ракетных комплексов в Сирию. И всякий раз их обещания «компенсировать» потери России от этих сделок оказывались ложью.

* * *

Наверное, наступило время перестать в очередной раз наступать на одни и те же грабли. А фантазерам, которые всерьез носятся с идеей о состоявшемся «прорыве» в отношениях с Эр-Риядом, твердо заявить: «Вы опять сядете в лужу, господа. Ну и черт бы с вами, но вы ведь и страну в глазах других грязью измазаете!»

Плюсы и минусы участия Хасана Роухани на саммите ШОС в Уфе

Общая неудовлетворенность иранской стороны итогами генеральной репетиции саммита ШОС — прошедшего 3 июня в Москве заседания Совета министров иностранных дел государств-участников Организации — рискует принять вполне конкретную организационную форму. Участие президента Хасана Роухани в саммите, который должен пройти 8–9 июля в Уфе, до сих пор остается под вопросом.

Как к исполнительным органам ШОС, так и к руководству государств-участников Организации в Тегеране накопилось немало вопросов. Главный из которых, разумеется, вопрос о статусе полноправного участника. Будем откровенны. Норма, препятствующая вступлению Ирана в Организацию, — отсутствие международных санкций — давно утратила свою актуальность. Более того, ее сохранение является прямо или косвенно выполнением американского заказа, поскольку Иран вне ШОС выгоден только и исключительно Вашингтону с его планами собственного переустройства Средней и Южной Азии, а также Ближнего Востока.

Вопрос не столько в том, что правящая элита США злонамеренно настроена в отношении Москвы, Пекина и Тегерана. И такие темы как Сирия, Украина, «Исламское государство», ядерная программа Ирана. Все это совершенно тактические вопросы, значение которых для Вашингтона комментаторы иной раз сильно преувеличивают. Главная задача для американских правящих элит и их союзников сегодня — создание глобальных экономических структур, которые, во-первых, позволят полностью контролировать мировые рынки, финансовые потоки, ресурсы и логистику. А, во-вторых, обеспечат надежное сдерживание потенциальных конкурентов, в первую очередь Китая, и незыблемость своей финансовой системы во главе с долларом.

Если не возникнет альтернативы этим западным структурам, пусть и уступающим по своим экономическим и финансовым возможностям, то все разговоры о «многополярности», «незападном» или «самостоятельном» пути развития можно смело считать болтовней, а тех политиков, кто эти разговоры заводит, — демагогами. Но как, позвольте спросить, она может возникнуть, если одного из последовательных сторонников именно «незападного» пути развития — Тегеран — в «незападную» же организацию вот уже 11 лет принимать отказываются? По причине введенных против него тем же Западом санкций? Разве абсурднее ситуация бывает?

Впрочем, санкции — всего лишь одна сторона дела. Есть и другая, не менее важная. В российских политических элитах бытует мнение о том, что с вступлением в ШОС Иран вырвется из экономической изоляции и станет серьезным конкурентом для России. Однако не следует забывать, что, во-первых, такую мощную державу как Иран долгое время невозможно держать в предбаннике ШОС, и, во-вторых, при определенных условиях потенциального конкурента всегда можно превратить в партнера, предложив ему привлекательную и взаимовыгодную повестку сотрудничества. При этом в Тегеране абсолютно уверены, что у России на сегодня достаточно авторитета, политического и экономического ресурса для того, чтобы при желании убрать все препятствия на пути вхождения Ирана в ШОС.

Плюсы неприсутствия

Впрочем, сейчас наш разговор о позиции иранского руководства. Первое. Обида и накопившиеся у Тегерана вопросы в отношении его членства в ШОС диктуют его политическим элитам самое простое решение — понизить уровень своего участия в Организации. По сути, пойти по индийскому пути: когда в Нью-Дели решили, что работа на площадках ШОС им не интересна, что участие в других международных интеграционных проектах способно дать местному капиталу больше, Индия снизила статус своего представительства в ШОС до уровня министра иностранных дел. После московского унижения в иранском экспертном сообществе доминирует мнение, что до окончательного решения вопроса по членству в ШОС присутствие президента Хасана Роухани на мероприятиях организации не целесообразно, даже наносит определенный ущерб авторитету страны, эти функции вполне способен исполнить первый вице-президент Ирана Эхсад Джахангири или, еще лучше, министр иностранных дел Джавад Зариф.

Второе. Если все-таки Хасан Роухани откажется от участия в саммите ШОС, то, безусловно, это станет самой главной интригой предстоящего саммита, этим он больше привлечет внимание, чем обычное протокольное участие в саммите. Подобное решение действительно будет сильным сигналом и для внешней — структурам ШОС и руководству государств-участников Организации — и для внутренней, иранской аудитории. Для внешней аудитории данный шаг станет свидетельством того, что Иран больше не потерпит такого отношения, отказывается от навязываемой ему недалёковидными чиновниками и представителями государств-участников унижительной роли просителя, постукивающего в двери ШОС вот уже 11 лет. И в случае непредставления гарантий вступления в Организацию будет осуществлять свой дальнейший внешнеполитический курс в формате двухсторонних отношений с каждым членом ШОС что называется в индивидуальном порядке.

Третье. Для иранской же аудитории это будет еще одним подтверждением того, что администрация нынешнего президента Хасана Роухани последовательно и принципиально проводит провозглашенный после его избрания курс на многовекторность. Это означает, что Иран не будет концентрироваться на одном или двух центрах силы в современном мире, будь то Соединенные Штаты или Россия с Китаем, и при этом «не станет устанавливать прохладные отношения с другими важными международными игро-

ками или вовсе аннулировать всякие связи с ними». Нет никаких сомнений в том, что данный шаг президента Хасана Роухани будет благожелательно воспринят частью иранского общества, особенно либеральной частью населения, прослойкой технократов, для которых солнце, как и для наших технократов, восходит на Западе, и теми, кто поддерживает нынешний кабинет «реформаторов». Для внутренней аудитории отказ от участия на саммите ШОС — это сильный ход сильного политика, который действует на грани фола, но, тем не менее, всегда выигрывает.

Четвертое. Отказ от участия означает, что США правильно рассчитали, отправив в Москву, накануне саммита ШОС, представительную делегацию Саудовской Аравии по главе с министром обороны этой страны Мохаммедом Салманом. США знали, что на фоне нынешнего недовольства Ирана политикой России любая активизация российско-саудийских отношений станет еще большим раздражителем для Ирана, вплоть до того, что станет решающим при принятии решения Хасаном Роухани ехать или не ехать в Уфу.

Пятое. Здесь возникает еще одна внутривнутриполитическая интрига. Если после данного шага процесс вступления Ирана в ШОС ускорится, — а именно так, по всей видимости, и произойдет — то, безусловно, сторонники Хасана Роухани получают дополнительные голоса в свою поддержку на предстоящих в 2016 году выборах в парламент. Кроме того, отказ от предстоящего саммита даст дополнительный аргумент тем политическим силам на Западе, которые склоняют свои правительства к нормализации отношений с Тегераном и этот процесс может ускориться. Логика здесь проста — в Вашингтоне и европейских столицах ШОС рассматривается как «нежелательная российско-китайская затея», а потому сдержанность в отношении этой затеи несомненна пойдет Хасану Роухани, что называется, «в плюс». Таким образом, получится, что не приехав в Уфу, Хасан Роухани не только формально не проиграет, но и окажется в политическом выигрыше. Но, это не совсем так, как кажется, и вот почему.

Минусы, которые весомее

Что же на другой чаше весов? Первое. Саммит ШОС в Уфе станет финальной точкой годового председательства России в этой Организации. Которое Москве, безусловно, хотелось бы завершить на торжественной ноте. Понижение статуса представительства Ирана будет крайне негативно воспринято российским руководством. Дескать, мало того, что возникают проблемы с Индией, так тут еще и Тегеран добавляет свою «ложку дегтя в бочку меда».

Второе, отечественное антииранское лобби получит прекрасную возможность развернуть пропагандистскую кампанию с упором на «коварство и непредсказуемость иранской стороны». Но оценки Москвы — не самое главное. Пусть с оговорками, пусть достаточно внятно, но политическое решение о необходимости присутствия Ирана в ШОС в руководящих кругах государств-участников все же сформировалось. Принципиальные возражения по членству Тегерана в организации сняли даже Казахстан и Узбекистан, всегда с настороженностью относившиеся к активизации Ирана в регионе. Представляется, что разрушить возникший консенсус понижением статуса представительства именно сейчас было бы достаточно неразумным.

Третье. Не менее важно и то, что ШОС, как представляется, подошла сегодня к качественно новому этапу своего развития, когда из во многом виртуального образования у нее появился реальный шанс стать полноценной интеграционной региональной структурой. Конечно, проект «Стратегии Организации до 2025 года» изобилует общими и абстрактными предложениями. Но главный вопрос, обсуждению которого будет дан старт в Уфе, заключается не в этом документе, а в изучении и анализе всех аспектов политического и экономического сопряжения Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и мегапроекта Пекина «Экономический пояс Шелкового пути», а также создания нового института с несколько громоздким названием «Международный центр предпроектной подготовки и финансирования проектов ШОС». Полноценное участие Ирана на высшем уровне в этой дискуссии является не просто актуальным, а жизненно необходимым, поскольку, без всякого преувеличения, от исхода этой дискуссии будет зависеть вопрос экономического будущего всех стран региона и место в этом будущем каждого из государств-членов ШОС, вне зависимости от из текущего статуса.

Четвертое. О сочетании участия Тегерана в работе ШОС и в двустороннем формате сотрудничества Ирана с каждым из государств-участников. Здесь нет никакого противоречия, и два этих пути — это не альтернатива, а прекрасная возможность взаимного дополнения. Более того, как показывает практика, столь жизненно важные вопросы, как противодействие терроризму, экстремизму, сепаратизму и трансграничной преступности необходимо сначала решать на региональной площадке, а технические вопросы — дорабатывать в режиме двустороннего диалога.

Пятое. Хасан Роухани, отказавшись от участия в саммите, лишается возможности личного общения с главами государств-участников ШОС и с Владимиром Путиным, в особенности. У него накопилось очень много срочных и актуальных вопросов, которые могли быть обсуждены с главой России в двухстороннем формате. Несомненно, у Владимира Путина будет свой особый резон поговорить со своим иранским коллегой в более благоприятном настрое, чтобы, во-первых, снять неприятный осадок от московского заседания ШОС, заверить о приверженности России к развитию отношений во всех сферах и, во-вторых, наконец-то реально запустить российско-иранские отношения в направлении стратегического партнерства. Не приехав в Уфу, Хасан Роухани вполне может лишиться этой возможности.

* * *

Любой финал — будь то в спортивном состязании, экономическом проекте или политическом процесс — опасен соблазном простых и эмоциональных решений. Вопрос о статусе Ирана в ШОС, как представляется, вышел на финишную прямую и идет к своему окончательному решению. Поэтому искренне надеемся, что сейчас иранское руководство будет принимать свои решения, руководствуясь не сиюминутными соображениями и политической конъюнктурой, а свойственным ему прагматизмом, мудростью и взвешенностью, в интересах страны, ее народа, процветания и безопасности всего региона.

Владимир Алексеев

ИГ угрожает Ирану

Несмотря на то, что исламистская террористическая организация радикально салафитского толка «Исламское государство» действует в непосредственной близости от иранской границы на территории Ирака и Сирии, на сегодня она непосредственно не угрожает безопасности Ирана. Кроме того, регулярные части вооруженных сил ИРИ способны отразить любые вылазки ИГ на свою территорию. Однако в реальности ее действия подрывают, хотя пока и косвенно, безопасность иранского государства, а в будущем могут затронуть ее напрямую. Достаточно посмотреть на карту Исламского халифата «Исламское государство», начерченную лидерами этой группировки после того, как 29 июня 2014 года было провозглашено его создание. Как хорошо видно, вся территория ИРИ входит в состав халифата, причем разделенной между «областями Хузистан, Курдистан, Кавказ и Хорасан явно по этническому признаку: азербайджанцы по версии ИГ будут проживать в Кавказе, арабы — в Хузистане, курды — в Курдистане, а все персы и беллуджи — в составе гигантской «провинции» Хорасан, куда также входят вся Центральная Азия, Пакистан, Афганистан, Индия, Шри-Ланка и даже часть Китая.

История создания ИГ

Созданная 15 октября 2006 г. в результате слияния 11-ти радикальных суннитских формирований во главе с одним из ответвлений «Аль-Каиды» в Ираке («Аль-Каида Междуречья») до 2013 г. группировка называлась «Исламское государство Ирак». 9 апреля 2013 г. путем слияния двух «филиалов» «Аль-Каиды» в Ираке и Сирии — «Исламского государства Ирак» и сирийской «Джабхат ан-Нусра» на деньги Саудовской Аравии и Катара была образована группировка под единым названием «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), целью которой стало создание исламского эмирата на территории Ирака и Сирии.

На сегодня ИГ — это непризнанное квазигосударство (провозглашенное как всемирный халифат «Исламское государство») с шариатской формой правления и штаб-квартирой (фактически столицей) в сирийском городе Ракка. Общая площадь контролируемой ИГ территории по состоянию на конец июня 2015 года оценивалась в 300 тысяч квадратных километров, а проживающее на ней население — 10 миллионов человек, преимущественно состоящее из суннитов. ИГ контролирует свыше 50% сирийской территории и до 40% иракской территории.

Структура ИГ имеет довольно отлаженную иерархическую форму. На пике всей пирамиды находится Аль-Багдади, он же «халиф» и главнокомандующий. После него следует подобие кабинета министров, куда входит: Административное Ведомство, Финансовое Ведомство, Ведомство Безопасности, Военное Ведомство, Ведомство Шариата, Ведомство Муджахедов. Ни «Аль-Каида», ни какая-то иная известная группировка, существующая на мировой арене уже не один десяток лет, не имеет подобной сложной и исправно работающей на практике системы. ИГ реально напоминает государство, имеющее свои доходы, систему социальной поддержки, отлаженный механизм информационной пропаганды и схему управления. С 22 июня ИГ стало чеканить свою валюту под названием динар в виде золотых монет, чтобы подчеркнуть свой статус как «самостоятельного халифата». Один золотой динар эквивалентен 139 долларам.

ИГ без проблем удовлетворяет свои потребности в оружии, в основном за счет захвата складов с американской техникой и боеприпасами в Ираке, сирийских складов с российским вооружением, а также получает оружие, направляемое сирийской оппозиции некоторыми странами, среди которых Турция, Катар, Саудовская Аравия и даже США. Кое-что ИГ закупает напрямую в Турции за деньги от контрабанды нефти. После взятия Пальмиры и Идлиба в апреле с. г. у ИГ появились танки, БТР, противотанковые ракеты и тяжелая артиллерия. Есть и ПЗРК, скорее всего американского производства.

Источники финансирования

Есть разные данные относительно источников доходов организации. Несмотря на то, что ИГ позиционирует себя как политическую и религиозную организацию, на деле эта структура функционирует как криминальная организация, и главным источником ее доходов является дань, контрабанда и другие виды преступлений. В Ираке и Сирии организация превратила в источник своих доходов такие деяния, как совершение краж в банках, похищение людей и вымогательство. Важным источником финансирования группировки являются доходы от грабежей, выкупов, полученных после взятия заложников. В частности, в Мосуле в июне 2014 г. боевики ИГ ограбили филиал Центрального банка Ирака, присвоив, по разным оценкам, от 900 млн до 2 млрд долл. Кроме того, ИГ получает денежные средства от частных инвесторов из стран Персидского залива, в частности из Кувейта и Саудовской Аравии, поддерживающих борьбу с режимом Башара Асада. Это осуществляется через исламские благотворительные фонды, в основном Катара, Кувейта и Саудовской Аравии. Член иранского Меджлиса Мохаммад Салех Джоукар утверждает, что ИГИЛ получила финансовую помощь, в том числе от Саудовской Аравии, в объеме 4 млрд долл. на ведение террористической деятельности в Ираке. По оценкам экспертов, бюджет организации сейчас может достигать 7 млрд долл.

18 февраля 2015 года представитель Ирака в ООН Мухаммад аль-Хаким заявил о том, что «Исламское государство» убивает людей, чтобы продавать их внутренние органы. По его словам, в братских могилах жертв «Исламского государства» были обнаружены тела людей со следами хирургических операций. У этих людей отсутствовали почки и другие внутренние органы. Также ИГИЛ получает доход от транзита наркотиков. По данным главы ФСКН Виктора Иванова, ежегодный доход ИГИЛ от транзита афганского героина в Европу составляет до миллиарда долларов.

Однако основной источник доходов — поступления от контрабанды нефти и нефтепродуктов с захваченных нефтяных месторождений и перерабатывающих мощностей через турецких, курдских и иорданских посредников. Они продаются по цене в 2–3 раза меньше мировой. Ежедневно от этого в бюджет ИГ поступает 3–3,5 млн долл.

Идеология и цели

Идеология организации представлена мировому сообществу как создание Исламского государства, основанного на шариатском праве. Главная же цель ИГ заключается в формировании в Ираке и Сирии порядка, опирающегося на суннитскую власть, и в очистке региона от других религиозных группировок (шиитов, алавитов, шиитов-нусайритов, христиан, йезидов). В этом плане организация защищает строгое шариатское право. В отличие от идей, отстаиваемых многими исламскими политическими партиями в умеренных исламских странах, ИГ делает ставку на достижение всех своих целей с помощью силы. Основопологающей идеологией в реалии является салафизм, причем в крайне радикальном его проявлении. Для ИГ все, кто не с ними, против них. Поэтому для боевика «Исламского государства» любой этнический мусульманин или мусульманин традиционного мазхаба, и уж тем более шиит, является муртадом, то есть вероотступником, а уж все остальные это вовсе кафиры (неверные). И тех и других нужно убивать. Более того, в июне 2014 член ИГИЛ Абу Тураб аль-Мукаддаси сказал, что священное для всех мусульман место паломничества-хаджа Кааба в Мекке будет разрушена: «С соизволения Аллаха, под руководством нашего шейха аль-Багдади мы разрушим Каабу и убьем тех, кто поклоняется камням в Мекке. Люди идут в Мекку не ради Аллаха, а ради того, чтобы коснуться камней». Несмотря на то, что это движение насаждает жесткое следование исламским законам, оно в первую очередь представляет собой коалицию противников шиитских властей Ирака и Сирии, которая включает в себя как исламистов, так и бывших офицеров времен режима Саддама Хусейна.

На более дальнюю перспективу целью организации является создание ортодоксального суннитского исламского государства как минимум на территории Ирака, Сирии, Ливана, Палестины, Иордании, Саудовской Аравии, как максимум — во всем исламском мире. Среди скрытых и рассчитанных на длительную перспективу целей есть цель занять место королевской семьи и взять под свой контроль Саудовскую Аравию и богатый нефтегазовыми ресурсами весь регион Персидского залива.

На словах и на деле тактика ИГИЛ, сформированной на базе идеологии тафризма, не только представляет угрозу для региона Ближнего Востока и мира в целом, но и является серьезным вызовом политике Исламской республики Иран. Эта угроза, конечно, не подвергает опасности существование сложившегося в Иране политического строя, однако создает риски для политического влияния Исламской республики и усложняет ее ситуацию в плане безопасности.

Ведь после «цветных революций» в арабском мире по наущению США, КСА и Катара все новые группировки экстремистов, включая ИГИЛ, своей первоочередной задачей поставили борьбу с шиитским правительством и самими шиитами. Доказательством тому служат зверские расправы над сирийскими и иракскими шиитами. Данное обстоятельство может стать причиной разделе-

ния региональных государств на два лагеря — шиитов и суннитов. Шиитский лагерь включает Иран, Сирию, ливанскую «Хизбаллу», Ирак, Бахрейн и йеменских ополченцев из движения «Аль-Хуси», которые противостоят другим странам региона. Разумеется, подобная ситуация представляет собой угрозу Исламской республике Иран, которая выступает не только против расправ над шиитами.

Кадровый состав ИГ

В кадровом плане ИГ сегодня состоит из бойцов, прибывших со всех концов света (арабского мира, Африки, Северного Кавказа, Центральной Азии, Турции, Пакистана, Афганистана и даже европейских стран, прежде всего Англии и Франции). Считалось сначала, что численность вооруженных боевиков ИГ в Сирии достигает свыше 5–6 тысяч, а в Ираке — более 10 тысяч. Сейчас же называют цифру в 80–100 тыс.чел. В рядах боевиков много офицеров бывшей армии иракского президента Саддама Хусейна.

Каждый месяц, по данным американских спецслужб, к организации присоединяется не менее 1000 иностранных добровольцев, помимо мобилизации населения в Ираке и Сирии, а общее число иностранцев — не менее 16 тысяч. На стороне организации в Сирии и Ираке действуют добровольцы из 80 стран мира. В каждой западной стране есть крупные подпольные группы ИГ, цель которых заключается в дестабилизации обстановки в европейских странах и организации серии терактов, если будет приказ.

Экспансия ИГ

В начале сентября 2014 года усилились опасения, что «Исламское государство» может распространить свое влияние на племенные территории Пакистана, находящиеся вблизи границы с Афганистаном. Эти предположения вызваны тем фактом, что некие боевики на северо-западе Пакистана стали распространять брошюры с заголовком «Фатех» (победа), написанные на языках пушту и дари, с символикой ИГ и призывами к местным жителям поддержать эту джихадистскую группировку. По сведениям МВД Ирана, группировка может в скором времени напасть на Иран. В стране начинают задерживать сторонников «Исламского Государства», в основном направляющихся в Ирак афганцев и пакистанцев.

В апреле 2014 года отряд боевиков ИГ проник в Ливию, захватив контроль над прибрежным городом Дерна. Сейчас боевики осаждают крупный ливийский порт Сирт. На верность ИГ и о своем вхождении в него уже объявили египетская «Ансар Бейт аль-Макдис», узбекское «Исламское движение Узбекистана», нигерийская «Боко харам» (Западноафриканская провинция Исламского государства), базирующаяся в Йемене террористическая группировка «Аль-Каида на Аравийском полуострове» (АКАП). Присяга на верность «халифу» Аль-Багдади (главарь ИГ) стала ответом на захват власти в Йемене шиитами Аль-Хуси. Более мелкие салафитские группировки заявляют также о своей верности ИГ: в Алжире, Тунисе, на российском Северном Кавказе, и даже в Синьцзян-Уйгурской автономной области Китая. 23 июня чеченская террористическая группировка «Имарат Кавказ» присягнула на верность ИГ и заявила о том, что Северный Кавказ отныне является вилайтом (областью) Халифата.

Коалиция против ИГИЛ бессильна

Международная коалиция, созданная для борьбы с ИГ в августе 2014 г. в Париже, насчитывает 62 государства и существует почти год, но ее победы над ИГИЛ не просматривается. Авиация коалиции (в основном американская) нанесла 3 тысячи ударов с воздуха по объектам ИГ, но ударами с воздуха войну не выиграешь. Есть только два региональных государства, каждое из которых могло бы быстро разгромить войска ИГИЛ: Иран и Турция. От объединенных арабских сил, если они будут созданы, толку будет мало, ведь все они (кроме иракцев) будут состоять из суннитов, которые вряд ли проявят большое рвение в боях против своих единоверцев, да и опыта у них нет. Правда, можно создать подавляющее техническое превосходство. Но без направления в логово ИГ, в Ирак и Сирию танков, артиллерии и сотен тысяч солдат это не даст результата. Выступать в качестве авангарда и главной ударной силы коалиции американцы не станут. Обама не может себе позволить выглядеть врагом суннитов. А сунниты преобладают как раз в тех странах, которые являются главными американскими союзниками или партнерами в регионе: в Саудовской Аравии, Египте, Иордании, Турции. И в этих странах крайне высок уровень антиамериканских настроений. Некоторые арабы-сунниты уже давно называют американскую авиацию, бомбящую силы ИГИЛ в Ираке и Сирии, «шиитской авиацией». Если бы Обама обрушил на ИГИЛ всю американскую мощь, это выглядело бы в глазах арабов-суннитов как альянс Америки с шиитами (а есть уже и более сильные пропагандистские атаки на США: дескать, они вступили в союз с шиитами и Ираном).

Отсюда — вялость и половинчатость действий Соединенных Штатов против ИГИЛ. Они попали в ловушку: с одной стороны, ясно, что ИГИЛ — главный, непримиримый и смертельный враг Америки, равно как и Саудовской Аравии, Египта, Иордании и даже Ирана, находящегося вроде бы на противоположной стороне. Но потопить ИГИЛ в крови невозможно без огромных потерь среди арабов-суннитов, живущих на территории, образующей «халифат», а это ни много ни мало — треть Ирака и половина Сирии.

* * *

На сегодня действия ИГ подрывают позиции Тегерана в Ираке, где у власти находится шиитское правительство, в Сирии, где правят шииты-алавиты, в Йемене, где победили шииты-хуситы и в Ливане, где боевики ИГ уже провели первые атаки на позиции отрядов шиитской «Хизбаллы». Лезть в Иран игиловцы боятся. Сейчас. Но если их планы по созданию суннитского халифата на территории Ирака, Сирии, Ливана, Палестины и тем более в Аравии реализуются, то Ирану будет угрожать уже очень мощный в военном и финансовом плане противник с огромной территорией и населением. Причем опирающийся на поддержку Турции и, как утверждают, имеющий тайную симпатию со стороны США. Поэтому в интересах ИРИ разгромить этого опасного врага на его территории уже сейчас, не дожидаясь, когда он начнет экспансию на Восток. Прежде всего в Ираке и Сирии, где дружественные Тегерану режимы терпят одно поражение за другим перед мощным наступлением ИГ.

Редакция приглашает к сотрудничеству политиков, экспертов и читателей, которые разделяют цели и задачи журнала и полагают, что их материалы могли бы внести вклад в формирование у российской и зарубежной аудитории объективного, реалистичного представления о современном Иране, его внутренней и внешней политике.

Более подробно об условиях сотрудничества смотрите на сайте журнала www.siran.ru. Ждем Ваших авторских статей по адресу info@iran.ru

Ахар, провинция Восточный Азербайджан

